

**СКРИПАЧ
ИЗ
ГЕТТО**

**Стихи еврейских поэтов,
узников концлагерей и гетто**

СКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО

Издание второе, дополненное

Берлин 2005

**Руководитель проекта
Иосиф Варди**

Составление и предисловие
Леонида Бердичевского

Переводы
Леонида Бердичевского,
Леонида Каца,
Генриетты Ляховицкой,
Альфреда Ходорковского,
Марка Шейнбаума,
Давида Яновского

Макет и оформление
Иосифа Малкиеля

На обложке использован
фрагмент рисунка
Бронислава Войцеха Линке (Польша)

*Жертвам Варшавского гетто,
их мужеству и героизму
посвящается.*

ПЛАЧ О ПОГИБШИХ – ЗАВЕЩАНИЕ ЖИВЫМ

*Пой вопреки всему, наперекор природе,
Ударь по струнам, пой, сердцами овладей!*

Ицхак Каценельсон

В 2002 году в Берлине была издана книга «Скрипач из гетто» (Стихи еврейских поэтов, узников концлагерей и гетто). Произведения, вошедшие в книгу, впервые были переведены на русский язык группой берлинских поэтов. Книга нашла широкий отклик у критики и читающей публики. В книге было опубликовано 92 стихотворения, которые на то время имелись у переводчиков. В нынешнем году весь мир отмечает 60-летний юбилей уничтожения фашизма, истребившего миллионы евреев и предрекавшего гибель всего еврейского народа.

Приурочивая выход нового издания к этой дате, переводчики дополняют книгу вновь полученными в их распоряжение ещё пятидесятью стихотворениями еврейских поэтов, никогда ранее не публиковавшихся на русском языке. В приложении, с любезного разрешения известной поэтессы И.Л.Лиснянской, мы публикуем в её переводах несколько стихотворений детей, узников концлагеря Терезин.

В книгу включена также поэзия некоторых поэтов старшего поколения, бесспорно оказавших влияние на творчество переводимых нами поэтов, а также поэтов послевоенных лет, отдающих дань памяти погибшим собратьям по перу. Следует сказать, что почти

во всей последующей еврейской поэзии ощущается боль и глубокий траур по погибшим поэтам, по расстрелянной поэзии. Публикуемые стихи переведены с языков идиш, польского и немецкого.

Из предисловия к первому изданию книги.

«Русскоязычному читателю почти полностью неизвестны представленные здесь поэты и их творчество. А они являют собой огромный пласт еврейской национальной культуры. Как это ни грустно, но язык оригинала незнаком многим, особенно новому поколению евреев. Поэтому мы решили своими переводами заполнить эту лакуну русской словесности. Кроме того, мы считаем, что работа над книгой – наш обязательный гражданский долг перед памятью замечательных поэтов, перед их трагической судьбой».

Представленным новым дополненным изданием этой книги мы ещё раз подтверждаем вышесказанное и рассчитываем на взаимопонимание читателей тем самым, считая их участниками нашего проекта.

В подборе произведений нам оказали неоценимую бескорыстную помощь частные лица из Тель-Авива, Бат-Яма, Иерусалима, Варшавы, Кракова, Берлина и Киева, а также научные сотрудники архивов нескольких еврейских музеев и целого ряда библиотек.

В подготовке текстов к переводам нам помогали: супружеская пара – Иоханна и Гарри Хадас, Екатерина Гескина, Хелена Хембух, Анжелла Подольская и Карл Абрагам. Всем им наша сердечная благодарность за это.

Леонид Бердичевский,
май 2005 года. Берлин.

ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ

(1852–1915)

НА ТВОЁМ БАЛКОНЕ

Я смотрю на балкон. Я надеюсь и верю,
но не вижу тебя. В старом доме темно.
Тут повяли цветы, заколочены двери
и туманом закрыто любимой окно.

Мысли птицей летят и касаются веток.
Ветки в окна стучат: «Выходи на балкон!»
Но вокруг тишина – и не слышно ответа,
и никто не глядит из закрытых окон.

Возвращаются мысли назад боязливо,
в прах разбиты мечты, сердце тонет в крови.
В этом сердце влюблённом, больном, молчаливом
заввучала печальная песня любви.

ВСЮ НОЧЬ

Я ковал эти рифмы всю ночь
из одних драгоценных металлов.
Я восторгов не мог превозмочь
от любовных страданий накала.

Утром выбежал я на крыльцо,
солнце мир разукрасило ало.
В бледножёлтое глядя лицо,
как я жалок, оно мне сказала.

МОРДЕХАЙ ГЕБИРТИГ

(1877–1942)

В ГЕТТО

Толпою рабов по колючкам стерни,
хоть двигаться больше нет мочи,
в гетто ползут наши долгие дни,
наши бессонные ночи...

Ползут часы, тяжелей чем свинец,
и в каждой минуте – страх.
Мы молим, чтоб день прошёл наконец,
о мире мы молим впотьмах.

Слух напряжён: заснуть нам невмочь,
и ужас крадётся как тать.
Кому суждено в эту страшную ночь
новой жертвою стать...

Чуть скрипнет дверь, растревожена тишь, –
и холод в сердце ползёт.
Бросает нас в дрожь, если слышим, как мышь
бумагу в углу грызёт.

Всё тело немеет – шуршит во дворе
бумагою ветер шальной,
и каждый прощается в мрачной норе
с матерью, сыном, женой.

И так мы в тисках роковой западни
рабскую долю волочим,
так тянутся долгие наши дни,
наши бессонные ночи.

ПЕВЕЦ БЕДЫ

Мой певец, несчастный и бедный,
Расточаешь напрасно дар.
Даже грош ты ломаный медный
Не получишь на гонорар.

Знай: до тех краснобаев сытых
Не дойдёт твоих песен стон.
Смыслом песен, печалью увитых,
Не будет никто огорчён.

Но получишь ты там признание,
Где стоят двory бедняков.
Песней ты облегчишь страданье,
Если примет её их кров.

Песни грусти там будут кстати,
Где витает голода смерч.
Там, где волком в голодной хате
Завывает старуха-смерть.

Там мелодиями своими
Напоишь и накормишь всех.
По дворам пройдёт твоё имя,
И вдогонку ему успех.

Обездоленным – твои песни,
Ты ведь их сочинял для них.
В их сердцах найдёт себе место
Стонам боли созвучный стих.

НАШЕ МЕСТЕЧКО ГОРИТ

Горит, братцы, горит!
Местечко наше бедное –
ой, взй, оно горит!
Ветры дико завывают,
злое пламя раздувают,
всё вокруг горит!

Всё местечко, сложа руки,
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, –
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Местечко наше бедное,
ой, взй, оно горит!
Пламя воет и клокочет,
проглотить местечко хочет,
всё оно горит!

Всё местечко, сложа руки,
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, –
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Горит убогий наш быт!
Весь наш город вместе с нами
превращает в пепел пламя,
страшен тёмными ночами
стен сгоревших вид!

Всё местечко, сложа руки,
смотрит и кричит.
Все стоят, сложили руки, –
дом родной горит!

Горит, братцы, горит!
Так хватит плакать навзрыд!

Вёдра поскорей берите,
кровью собственной тушите,
от огня спасти местечко
совесть нам велит!

Вы не стойте, сложа руки,
нечего кричать,
вы не стойте, сложа руки,
надо дом спасать!

ЗЮСМАН СЕГАЛОВИЧ

(1884–1954)

ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО

Охвачен дом сплошным огнём.
И гарь, и дым повсюду в нём.
Где выход? – Окна, дверь в огне,
и пламя мечется во мне.
Нас шквал пожара окружил,
наружу выбраться нет сил.

ГОРЕТЬ МЫ БУДЕМ

На жертвенном огне сгорим
И сила дымом вверх взовьётся.
Порывов наших страсть уймётся.
На жертвенном огне сгорим.

Но воля к жизни остаётся.
И искр чувства не унять.
Ничто не возвратится вспять.
Но воля к жизни остаётся.

Исчезнет в небе едкий дым,
что плавает над мирным морем.
В душе останется он горем,
хоть и исчезнет едкий дым.

ТАЙНА ИЕРОГЛИФОВ

В иероглифах твоих волос
на белизне моей подушки
сокрыт таинственный вопрос:
здесь, может, айсберга верхушка?

Полузакрытые глаза.
До боли стиснутые зубы.
Кто эту тайну предсказал?
О чём умалчивали губы?

Что привело тебя сюда?
Кто вырвет из моих объятий?
Непостижимы иногда
уже привычные понятия.

Ты предо мной обнажена,
но тайна всё-таки осталась.
Проснись, стряхни остатки сна –
нам счастье нелегко досталось.

ДОВИД ЭЙНГОРН

(1886–1967)

ЭЛЕГИЯ

Проклятья поколениям непомерны.
На лбу моём их тяжкая печать.
Цена им от Спасителя, наверно,
Которого должны мы долго ждать.

Цена им высока. Она тяжеле,
Чем Авеля конец и Каина грехи.
– Мой Бог, скажи мне правду, неужели
Мои молитвы для тебя глухи?

За что в себе носить я должен бремя
И жертв невинных, и причастных к злу?
Где силу мне найти и выбрать время,
Войдя в огонь, петь Господу хвалу.

МОЙ НАРОД

Избавителя ждёшь ты все двадцать веков с нетерпеньем,
смотрит мир на тебя с удивленьем
и не можешь понять, как взглянуть,
чтоб постигнуть особый твой путь,
от него обособленный провиденьем.

Устремляясь вперёд, остаёшься ты в прошлом. Доколе?
На свободе ты раб, но свободен в неволе,
и далее провидец блестящий
порою слепец в настоящем –
в сокрытой за тайной завесою доле.

Ты умеешь подняться наверх в бесконечные выси
и низринуться вдруг, опозорен, зависим
и в счастье своём, и в мученье.
Вперёд и назад – назначенье
дано тебе силой неведомой мысли.

Смотришь вдаль и себе для вина виноград собираешь,
споришь с Богом, но в вере своей умираешь.
Мир вести за собою способен,
ты вечно к нему приспособлен,
свой блеск запылить ты легко позволяешь.

Ищешь мира, но первым готовишь себя к истязаньям,
веришь в будущее, но и ждёшь наказания,
слушать рад ты, мечтатель-народ,
про Мессии желанный приход,
надежду хранишь ты и в горьких стенаньях.

О, как в жилах моих голос крови твоей ощущаю:
поколений, ушедших, мне жить завещая –
Богом ты освящён, мой народ,
пусть весь мир для тебя эшафот,
не дух твой – лишь плоть он в огне умерщвляет.

Никогда б не хотел я ни с кем поменяться судьбою,
должен странствовать тоже я трудной тропой
через многие тысячи лет,
мечты и правды лелея свет,
быть вместе гонимым по странам с тобою.

ИСЧЕЗЛИ ВСЕ

Исчезли все. Закрыта дверь –
как призрак, растворились где-то:
ни слов, ни писем, ни привета...
Нелёгко груз таких потерь.

Забыть ли робкие признания,
любви и дружбы ожиданье?

Из прошлого – одна пустыня,
и нет знакомых мне примет.
Ищу ушедших я поныне,
хотя прошло немало лет.
Найти удастся их едва ли:
они, как тени, исчезали.
Но я, не ведая покоя,
верчу свою голову –
мой грустный взгляд блуждает где-то.
Внезапно я увидел это:
зовёт меня, кивает мне
печальный камень на могиле.
Иду к нему я, как во сне,
влечёт меня немая сила.
Могильный камень невысокий.
Как я, он тоже одинокий.

ШМУЭЛЬ ЯКОВ ИМБЕР

(1889–1942)

ПРИХОДИТ СОЛНЦЕ

По континенту бродит солнце.
Оно смеётся и краснеет.
И светлый день ко мне приносит.
Он также светел, как Там ночь.

Из Той страны приходит ветер,
моё он согревает сердце.
С собой прихватывает слово,
его я превращаю в песнь.

Мечта из Той страны приходит,
её себе хочу оставить,
она мне разрывает душу –
страна моя, летит к Тебе.

ВЫ ЗАБЛУДИЛИСЬ ВДАЛЕКЕ

Вы заблудились вдалеке.
Грехом вы это не считайте.
Тоскуя по родному дому,
ребёнком остаётесь вы.

Издавека приходит жалость,
но в этом нет стыда нисколько.
Она с собой мечты приносит,
чтоб было с чем домой прийти.

ТЕМ, КТО ЯВЯТСЯ...

Те, кто явится в мир после нас,
будут всё начинать сначала.
Для них моя песня в их трудный час –
она для них и предназначалась.

Тем, кто явятся годы спустя,
духом не павшим, с праведным гневом,
песня моя над ними взойдя,
станет звучать победным запевом.

Каждый из них – мой желанный сын –
с песней моей отыщет дорогу,
вникнет в суть до самых глубин,
явится в мир он посланцем Бога.

Я ВОСПЕВАЛ ТВОИ ГЛАЗА

Я воспевал твои глаза
и волосы – без всякой лести.
Я в песнях обо всём сказал
за время, что мы были вместе.

Была, как ангел красоты,
но оказалось, только с виду.
Дарил я солнце и цветы
тебе. А сам глотал обиду.
Ты слушала мои слова
внимательно, с большой охотой.
Как оказалось, голова
твоя задумывала что-то.

Промчится время. Рухнет мост,
соединявший наши чувства.
И место, где с тобой мы врозь,
останется навеки пусто.

Наверно, будем тосковать
по тем, далёким нашим встречам.
К ним мысли станем возвращать,
и заменить их будет нечем.

ЛЕЙБ НАЙДУС

(1890–1918)

БЕРЁЗОВЫЕ АЛЛЕИ

Берёзовые аллеи
с белыми пальцами ног,
будто юные феи,
но хор их здесь одинок.
Тут, на каждом стволе их,
дыхание терпкого пламени
в цветении каждой аллеи,
как на пурпурном знамени.
И как бы в тонкой элегии,
листья мечтательно пляшут.
Полны освежающей неги и
грусть развевают нашу.
Моя нога утонула
в многообразии искр,
в звуках трескучего гула,
что был свободен и быстр.
Осенние листья! О, чудо!
Красивы, как Боги, поверьте.
Никто никогда не будет
вас избавлять от смерти.
Но вы, как всегда, спешите
в шепотный дождь и ночь.
Я не смогу, поймите,
ваш полёт превозмочь.
Вот вы слетели резко,
свой покидая трон,
в общем осеннем блеске
с осиротевших крон...
Печально стоят, немея,

с белыми пальцами ног
берёзовые аллеи
на перекрёстке дорог.

СОНЕТ

Плачет тихо
ветер свежий.
Чаще – лихо,
скромно – реже.

Я не брежу.
Здесь не прихоть.
Где же выход?
Нету бреши.

Кто-то злит.
Кто-то льстит.
Всё по теме.

Кровь течёт
круглый год –
словно время.

МИРЬЯМ УЛИНОВЕР

(1890–1944)

КОЛЕЧКО

«Не снимай его с пальца, прошу, никогда,
не живи с ним в разлуке.
Если радость придёт и настигнет беда
в нашем замкнутом круге».

Так ношу я своё небольшое кольцо
с голубым аметистом.
Пайку изредка ем, умываю лицо
с сердцем честным и чистым.

Мать моя дорогая! Мне голод, поверь,
нипочём в самом деле.
Только пальцы мои стали тоньше теперь,
здесь они похудели.

Берегу я как глаз и как честь берегу
небольшое колечко.
Никогда я с ним к скупщику не забегу,
с ним останусь навечно.

Без него ни один я не сделаю шаг
сквозь голодные зимы.
И его беспощадный и лютый наш враг
только с жизнью отнимет.

ЗА НОЧЬ

Что за ночь с моими стряслось волосами?
Ответ не найти в разыгравшейся драме.
Был с вечера жёсткий клубок, как солома,
но к утру он стал без волны, без излома.
Вчера были волосы спутаны в пряди.
Сегодня текут успокоенной гладью.
Как злато сверкали, ясны и прекрасны,
на сердце твоём... но, как видно, напрасно.

ПЕСНЯ ТРУБОЧИСТА

Из трубы приносит ветер
горестных аккордов звук.
Ууу! Мелодию наметив
для свиданий и разлук.

Не имел он тяги к пенью.
Радостей почти не знал.
Запах гари, пепла, тленья
убеждал и угрожал.

И рука у трубочиста
тащит копоть, как магнит.
Как азарт его неистов,
что в движениях сквозит.

Верит, что его работа
ослепительно бела,
улаживает для дремоты
и обильного стола.

А труба дрожит и стонет
от толчков истопника,

без особых церемоний,
вся во власти сквозняка.

Ветер шумный, ветер чуткий
сдобрен едкою жарой.
Он бушует не на шутку
Ууу! Разносит звуков рой.

ВСТРЕЧА

Ты по нашей улице весело идёшь.
Как красив и статен, как же ты хорош.
Нежно улыбнувшись, ты ведёшь беседу:
«Волосы твои, дорогая, седы?»
«От тебя, мой милый, ничего не скрою,
знаешь, ведь они черны мастью вороною.
Выпекала халу я, с маком пироги –
побелели волосы, видно, от муки,
стряпала я за полночь без большой охоты,
прибирала горницу и чинила что-то,
ощипала кур я и гусей – поверь мне –
волосы, наверное, подцепили перьев.
Словом, всё готовила для нашего стола.
Перед сном я тщательно двор наш подмела.
И ещё придумала острое словцо,
не забыв его швырнуть жениху в лицо.
Праздник был не в радость мне, скука проняла,
гости понаехали – нет гостям числа.
Даже не заметили всю мою печаль,
нет, меня ни капельки никому не жаль,
никто не удосужился узнать, что я грустна,
несмотря на то, что на дворе весна...
На душе и в горле бьётся горький ком –
не моим на свадьбе был ты женихом.

ПИСЬМО

Время всё разносит в щепы
торопливо, безоглядно,
беспардонно и нелепо,
всё стирает на корню.

Я прислушиваюсь чутко,
но надежда быстро тает.
В ту же самую минутку
мне несут твоё письмо.

Сообщаешь, что местечко
наше ты на днях покинешь.
Ты ведь этим бессердечно
боль мне тяжкую нанёс.

В виде моего подарка
(Бог меня один услышит!)
Я шепчу: «Люблю я жарко,
вся иссохла по тебе».

Вот бегу я мимо сада,
мимо пашни, леса, поля,
мимо речки, мимо взглядов,
что бросают на меня.

Я хочу твоё посланье
утопить скорее в речке,
истребить воспоминанье,
вырвать из своей души.

В этом мире беспощадном
превращу его я в пепел.
Весточка твоя с досады,
как любовь моя сгорит.

После этого с дороги
я отправлюсь восвояси.

Ветер жёсткий, ветер строгий
за собой меня несёт.

Вот течение уносит
по волнам письмо свободно.
И пощады не попросит
белокрылое письмо.

ДОВИД КЕНИГСБЕРГ

(1891–1941)

ДВА СОНЕТА

1.

Душой во сне я слушал это пенье,
что доносилось до меня издалика
под ритм солдатского литого каблука,
всё повергая в трепет и волненье.

Я затаился, напрягая зренье,
а звук плясал и вниз стремился с потолка,
мне показалось, он твердил наверняка:
«Исполни долг, довольно размышленья!»

Я силы все собрал. Вгляделся в темноту
и увидел солдат, застывших на посту
чужой страны, перед шатром военным.

Я бросился к окну, очнувшись ото сна:
ни ветра, ни дождя, плывёт себе луна.
Мир грёз моих в безделье откровенном.

2.

И немеют все колокола.
И даже не возникнет мысль о мире.
Прогонят ночь. Глас зазвучит в эфире,
который вся вселенная ждала.

И тут удар гигантского кайла
распространит свои движенья шире.
Он громом в каждой прогремит квартире
и выбьет ложь из каждого угла.

И рухнут все прогнившие стволы.
И молодые расцветут побеги.
Останутся, как в Ноевом ковчеге,
те, кто достоин общего стола.

Дыханье освежающего взлёта
не остановит тяжкая работа.

АВРОМ ЗАК

(1891– 1868?)

ТЕПЕРЬ Я ЭТО ЗНАЮ

Теперь я уже без сомнения знаю,
что нет у меня ничего:
ни знака, ни следа, ни камня на камне –
всё пусто вокруг и мертво.
Убийца коричневый был беспощаден:
безжалостен был и жесток.
Мой дом – мой причал уничтожен врагами,
и я навсегда одинок.

Ищу и не знаю, – не в общей ль могиле,
в забытом клочочке земли,
в Треблинке, быть может, на адском огне ли
на страшную смерть обрекли:
и мать, и сестру, и жену, и ребёнка,
пытаясь следы замести,
а ветер игривый их пепел развеял –
так где их следы мне найти?

Теперь я уже без сомнения знаю,
что нет у меня никого,
и всё дорогое, о чём мне мечталось,
рассыпалось в прах и мертво.
И старый наш мир бесконечной
пустынею стал для меня.
Куда мне податься? Срежь жалких развалин
не вижу я светлого дня.

ИСРОЕЛЬ ШТЕРН

(1891–1943)

НЕ ЗАВИДУЮ Я НИКОМУ

Не завидую я никому,
разве только лишь песне косы,
что поёт на лугу в час вечерний.

Не завидую я никому,
разве только лишь песне безмолвья,
уходящей в глубины корней
устремившихся в небо деревьев.

В проникающем эхе глухом
отдалённых мычаний вола
часто слышатся стоны Земли,
порождающей нивы клочок.

Не завидую я никому,
лишь задумчивой песне косы,
что поёт на лугу в час вечерний.

МЕЛЕХ РАВИЧ

(1893 – после 1968)

СОВЕРШЕННАЯ ИСТИНА В ТРЁХ СТРОФАХ

Что есть небо? Небо – это раскрытый, развёрнутый
пергаментный свиток.

Что такое звёзды? Буквы. Созвездия? Простые
изречения, нерушимые ничем.

История, которая сама себя читает. Её молчание говорит,
её тишина даже может петь,
и когда она поёт, это истинные псалмы, и если она
говорит, то – истинные изначальные главы.

Наши праотцы хорошо знали, где искать Бога,
но что могли они постичь,
несчастные безграмотные!

Небо, как прежде, открыто для всех, и алфавит
все мы знаем уже.

Но мы хотим лучше плясать с каннибалами и глумиться
с зубоскалами: новыми пророками.

Небо – это раскрытая книга, открытые врата,
открытая тайна,
возможно, слишком открытая. Никто не хочет прочесть
эту книгу, услышать, войти в эти врата
и понять, что это совершенная истина, простая,
как дважды два, как хлеб и вода,
и для постижения всей истины вполне достаточно
дюжины строк в трёх строфах.

ЗРЕЛИЩЕ МЁРТВЫХ ДЕТЕЙ

Мой взгляд застыл, глаза окаменели – часами
всматриваюсь я в картину эту,
может быть, годами:
вот дети гетто мёртвые лежат, лампадки слабые,
угасли фитильки...
Я цепенел, и вдруг заулыбались их личики,
и в танце тела сплелись, как мотыльки.

Конечно, в танце сцеплены ручонки,
они ведь только прилегли немного,
им стало жарко. Скинув рубашонки
лежат, и проступают рёбра
из клеточек грудных. Я начал торопливо
с самим собой без смысла говорить,
без смысла и без слов, без звука
губами беспрестанно шевелить.

Заходит солнце или, может, мир.
Ночь поглотила жуткую картину.
Я шёл по улице. Стояла тишина. Спокойно
там фонари висели длинным строем,
и мне пришло на ум, что в мире целом
светильники повесились так, словно...
Сошёл с ума? Я? А быть может, он? Кто?
Мне страшно было вымолвить то слово.

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ ФИЛОСОФИИ

Из всех вер и богов, даже самых глубоких,
глубочайшая ты, философия, ибо содержишь неверие
ты.
В тебе единенье: покой и смятенье.

Ты ясна и понятна, средь звёзд светлейшая
звезда,
и столь же конечна, как и бесконечна.

Из всех вер, к которым взываем мы
из возвышенья иль унижения тьмы,
с тобой остаюсь я охотно всегда.

Всё в тебе мне понятно,
и непонятное тоже,
ведь не постичь непонятное и спокойно признать
это,
даёт больше света, чем светлейшая из вер, всё же.

Ты, словно луч, что несёт озаренье:
– Вера есть джунгли и мрак заблужденья –
луч прямой – до того, как изогнут Эйнштейном.

Знаю я: ты не есть и, возможно, не будешь
вовек
постиженьем,
но всё же ты – путь,
Бог в беде, от смертных страхов ограждение.

С чем сравнить мне тебя в этой песне хвалебной?
Все сравнения кривы, стары и банальны,
все – лишь ложь. И чего достигают
сравненья?
Тысяча красочных кривд вместо правды одной?

Ты, только ты
(звучит банально пусть),
ты, словно путь, из мук пустынных, мой,
ты, словно луч, луч – это тоже путь
к истоку ясности, путь светлый и прямой.

КАДЬЯ МОЛОДОВСКИ

(1894—после 1968)

ПРИ СОЛНЕЧНОМ ЗАТМЕНИИ

И я пришла. Да, я пришла,
осуществив стремление,
я прибыла как раз теперь
в печальный край затмения.

Босая, торопилась я
застать хоть луч свечения,
и я пришла как раз теперь,
в печальный день затмения.

В полёте задохнувшись, пали
все птицы, крылья распахнув,
и ветви среди лета стали,
как тень изображения.
Так это есть как раз теперь,
в печальный час затмения.

Но солнце вечно всё равно.
И ранам ног даст небо исцеление.
Клянусь я, что моим глазам
явилось, как в прозрении,
то пламя здесь, как раз теперь,
при солнечном затмении.

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Это ночь.
И лежу я, больная,
бьются в тёмном кругу мои песни, пылая.

Ночь, и волк, и овца –
что за бред в голове?
Это кровь на траве –
ну и что? Что за бред в голове?

Так стара эта песня –
тысчелетняя пьеса,
что приелась давно пастуху,
да и лесу.
Уж не этой ли старою песней больна я?
Это ночь.
И в кругу бьются мысли, пылая.

И ВСЁ ЖЕ...

Моя кожа такая тонкая,
что единственная пуля,
стальная пчела,
может меня убить,
может тебя убить,
может его убить –
мои дорогие.

Моё сердце такое маленькое,
что не может вместить
все мои плачи.
И если переполнит его слезинка одна,
задушит меня она,
задушит тебя она,
задушит его она –
мои дорогие.

И моя жизнь такая тяжёлая,
что все корабли в море
и дороги на этой земле
не смогли бы меня привести,
куда я стремлюсь.
И всё же –
среди капканов смерти
и скопища страданий,
причиняемых жизнью,
я – стрела в тетиве,
а воля моя – та рука,
что целит, куда я иду
и куда я приду –
мои дорогие.

КОГДА НИКТО НЕ ЗОВЁТ МЕНЯ

Моя мать не зовёт меня по имени –
моя мать мертва.
Мой отец не зовёт меня по имени –
мой отец далеко.
И Бог не зовёт меня по имени –
так как Бог создал Пуримшпиль
и играет в ней пса,
и воет так громко в ночи,
что я палкой его прогоняю,
чтоб в покое оставил меня.

Успокойся, моё сердце,
успокойся немного, когда Бог исчез,
успокойся немного, когда моё тело
распято в терпении.
Успокойся немного,
пока не позовёт колокол,
пока не позовёт горе,

что висит, как мешок, на моей спине.
Успокойся немного —
немного без Бога.

ВОЗЬМИ ЭТО С СОБОЙ, МОЁ СЕРДЦЕ

Шелестящее дерево, сердце моё,
и прозрачность ручья,
и последний отказ, что ужалил меня,
и хрустальную дружбу, что разбилась звеня,

возьми это с собой, моё сердце,
в недолгий путь.
И пылающий свет уходящего дня,
и дыхание ветра возьми, не забудь.

Возьми это с собой, моё сердце.

БЕР ГОРОВИЦ

(1895–1943)

В САДУ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В саду царя Соломона
деревья давно уже спят.
Никто их покой не тревожит,
не слышно там птичьих рулад.

Усталость рабов усыпила,
уснули, как рыбы в ночи,
да стражники камнем застыли,
ладонями стиснув мечи.

Стоят шестьдесят великанов
на страже при царском шатре.
Их мощные тени бросает
на стену луна в серебре.

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

Снилось мне нынешней ночью:
прошлое будто вернулось –
любовь моей юности давней
рук моих нежно коснулась.

Сжалось в груди моё сердце
в сладкой и тихой печали.
До эрго целую вечность
в жизни мы с ней не встречались.

Двум разделённым потокам,
знать, не поспорить с судьбою...
Был освящённым союзом
связан давно я с другою.

Можно ли с сердца больного
снять золотые оковы?
Два разделённых потока
могут ли встретиться снова?

КАК БОЛЬНАЯ ПТИЦА

Израненной птицей
из сучьев корявых
я вырвался, мама,
из мира чужого
и вновь возвратился
к родному порогу.
От радости ты
засмеялась сквозь слёзы,
а ночью вздыхала,
о мне беспокоясь.
На цыпочках утром
ко мне подошла ты,
с надеждой глядела
и гладила пряди
волос непокорных.
И ты улыбалась,
желая внушить мне,
что счастлива очень,
чтоб стал я спокоен,
чтоб стал я утешен,
чтоб стало легко мне.

МОШЕ КУЛЬБАК

(1896– после 1960)

ЛЕТО

Вновь мир для юной жизни развернулся:
набухли почки, полнится земля,
и шёпот зелени проснулся –
и всё вибрирует, как тело девушки
от потрясения,
что в женщину ей дарит превращенье.

Лежал я, словно кот средь поля.
Искрилось всё вокруг, в блистаньи споря.
Один мой глаз был солнцем ослеплён,
другой прикрыт, но блики видел он.
Беззвучно я от радости смеялся.
Казалось, я бы ввысь взметнуться мог,
как обнажённый к действию клинок.

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

На голой земле сидит всю долгую ночь бедняк,
порой на его лице улыбка мелькнёт, как свет.
Поёт он о том, что жить он дольше не может так,
беспомощен, никому не нужен он больше, нет.

Не распрямиться ему под грузом ушедших лет,
жалобно песню свою тоскливую он поёт.
Рогатый, колючий месяц над крышами льёт свой свет
и как раскалённый червь по небу сквозь ночь ползёт.

О, этот голос бедных! Слышишь, как он звучит –
по миру, всегда жестокому, в тёмных его углах.
Голос лежащих в рубищах на голой земле в ночи –
в нём только скорбь и ужас, только печаль и страх.

Поёт он о малой радости, добытой из вечных мук –
о капле воды прохладной в обугленной жизни его.
Бедняк состоит из горя и к небу воздетых рук.
Он может растрогать месяц, но более – никого...

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

Так что же: Умереть? Когда мы умираем,
то это лишь игра. С обломками играем.
Всё это – обольщенье:
мол, радость – за мученье
на этом свете –
Брать
и Давать, как дети
в опьяненьи.

НА ФАБРИКЕ

Едва светает. Пробужденье,
лишь сумрачные звуки раздаются,
но кожанок промасленных движенье:
и змеи чёрные во мраке вьются,
и вот уже машины зашумели
так мощно, так уверенно и скоро,
да искры огненными пчёлами запели,
руда и пламя загудели скорбно.

И шестерён...и шестерён круженье...
и дым, и непрерывное искрение...

устали и подавлены сердца.
И молоты стучат, и бронзовеют лица
от жара, и работе нет конца...
Склонясь в поту над омутом огнистым,
принуждены, усталые, стремиться
железо приручить и укротить.
Утешит пламя лишь гореньем чистым:
должно, должно вас солнце осветить!

ВОЛЧЬИ ПЕСНИ

1.

Волчьи песни свои мне б хотелось провить
в четырёх моих стенах, в этих стенах моих.
Моё чуткое ухо – оно велико –
всё, что сердце бормочет, услышит легко...

Боже, к вою пригодна только волчая пасть –
не для рта человеческого эта напасть.

Вот зелёным свеченьем окрасился взгляд,
голод с остервененьем рвёт мясо с костей.
Крепок круглый затылок, я поджар и костляв –
хей!
Чтобы мне свои муки избыть,
разреши мне по-волчьи завывать,
Боже!

2.

Голубыми огнями блещет снег на полях.
Горе мне, горе!
Словно волк-одиночка свою глотку напряг –
с этим миром я в ссоре.

«Мне на волчью стаю наплевать и забыть.
Волк я, волк-одиночка. Вас бы мне отравить!
Вы травили меня и ночами, и днями,

надо мною глумясь, побивали камнями.
Волк не волк, если шкура не прилипла к костям».

Снег лежит на полях, под луною блестя.
Горе, о горе!
С целым миром волк в ссоре.

3.

Луна, дрожа, ощупывает все поля,
сугробами покрытые равнины,
леса, где проморожена земля...

Снежные вихри ветер свивает, взметает.
Взглядом горящим снежную бурю пронзает
из прорезей глаз зелёных волк отощавший, голодный,
сбежавший из плена сетей –
последнюю кровь сосёт он
из собственных старых костей.

Каждая кость в нём ноет.
Он воет, и воет, и воет,
взывая к холодному небу.

ИОСИФ КИРМАН

(1896–1943)

ГОЛОД

(главы из поэмы)

1.

Другие – как вы – молчат
в дни муки, в часы отчаяния,
не доходит до губ их то горе,
что растворилось у них в крови
и разлилось по всем артериям, –
и лишь я не могу молчать.
И из груди моей рвутся слова
в глухую даль, и разве голос мой
застрянет в горле, разрывая связки,
ненужный, не услышанный никем?
Нет, не могу я, не могу молчать.

2.

И в эти дни, подобно серым грудам,
поднялись мои братья отовсюду
и толпами покинули дома.
Песок и пыль с земли сдувает ветер
и вдаль несёт неведомо куда.
Вот женщины застыли у дороги,
вы видели, как лица их бледны?..
А вот одна с распущенным платком
вдруг вырвалась вперёд и побежала,
в отчаянии заламывая руки,
с безумным криком:
«Малхамовес! Малхамовес!»
И скрылась далеко за поворотом.
Да, в эти дни, подобно серым грудам,
поднялись мои братья отовсюду
и толпами покинули дома.

3.

Высоко в небе пролетели птицы,
теперь спустились, белые, к земле,
и ищут: может, где-нибудь есть пища
для их голодных, острых, твёрдых клювов.
Вращает ветер крылья мельниц понапрасну,
в них нет зерна и нечего молоть.
Из города в убогие деревни
приходят старики, чтобы добыть
хоть горсточку муки для пропитанья.
Уже давно собрали всё зерно
по всей земле, и сжатые поля,
подобно овцам стриженным, замёрзли
холодной осенью под ветром ледяным.
Никто уже не помнит о зерне,
которое давно с полей убрали.
Вращает ветер крылья мельниц понапрасну,
в них нет зерна и нечего молоть.

4.

Стоят уныло бедные дома,
подобно лошадям с облезлой шкурой,
отпала глина, выпирают кирпичи,
дома поникли и уходят в землю.
Наверно, мать сейчас рывком откроет дверь
и, распростерши руки, закричит на всю округу:
«Мы погибаем! Все мы погибаем!».
Когда усталый день спускается на камни,
все забывают о жестоком горе,
которое заключено во всех домах.

5.

Два фунта чёрного хлеба
разделил мой отец на семью,
разделил на восемь частей,
каждому по кусочку.
И когда наша мать потихоньку
отдала свой кусочек хлеба
малышу, что по полу ползал

на своих неокрепших ножках,
а сама легла, обессилев,
возмутились мы, старшие, сразу:
«Съешь сама, сама свою долю!»
Собрались все братья у кровати,
где лежала недвижно наша мама.
От забот и горя пожелтело,
постарело лицо у мамы
и исчезла добрая улыбка.
Часто, не послушав нашу маму,
братья шли на дровяные склады,
чтоб собрать в мешок немного щепок,
чтобы мама вечером сварила
для семьи хоть парочку картошек.
Вечером, как мама ни старалась,
напрягая жилы, задыхаясь,
не смогла разжечь сырые щепки,
и упали, как мешки пустые,
братья мои на пол, и уснули,
тяжким сном уснули, не раздевшись.

6.

Когда нужды тяжёлая рука
на наши головы обрушилась внезапно,
мы в страхе, как испуганные птицы,
покинув дом, поспешно разлетелись.
Мои сестрёнки – беленькие ручки
и косы чёрные – ушли в края чужие,
чтоб у чужих людей проситься в наймы.
В больнице умер бедный наш отец,
и с плачем мать его похоронила.

.....
10.

Окна нашего дома –
стекляшки на мёртвых глазах,
закрыты они целый день.
Кто войдёт в пустоту этих комнат,
бросит взгляд на бесхозные кучи
никому не нужных вещей,
распахнёт почерневшие двери

и впустит весёлое солнце? –
На свете нет таких рук.
На ставнях железные прутья
от ржавчины стали толще,
берегут они мрак в нашем доме
на радость слепой пустоте.
Уже умерла наша мама,
и больше она не вернётся,
не сядет она на землю,
чтоб выплакать горькое горе,
и только лишь псы голодные
у дверей опустевшего дома
будут выть, как бездомные дети.

РАХЕЛЬ КОРН

(1898– после 1969)

КАКО Е СЛОВО

Слово какое меня к вам приблизит,
слёзы какие дорогу укажут?
Нитями лунными каждую ночью
тянет меня к обители мёртвых.

Сколько рассветов прожить суждено мне,
чтобы я сам ваши муки изведаль,
чтобы я стал на последней границе,
как серый камень стоит на могиле.

У ВОРОТ ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ

Была это тел людских обнажённость,
ставшая сразу мертвенно-бледной.
Та, что стыдливостью значилась прежде,
счастьем, тайной иль родинкой-меткой,
о которой лишь маме известно,
что любимым одним доверялось –
солнце светом своим беспощадным
обнажало, как крышкою гроба,
открывало насмешкам и взгляду,
что готовил людей строй за строем
на последний рубеж испытаний.
И детишки, что вмиг повзрослели,
понимали: не будет спасенья,
и они матерей умоляли
крик отчаянья спрятать глубоко,

в сердце страх схоронить, чтоб мучитель,
тот, кто жаждал увидеть их муки,
их страданиями в эти минуты
ни за что бы не смог наслаждаться.

МОЁ ТЕЛО

Я ещё, как дерево лесное,
в высоту стремлюсь всем существом своим,
мои страсти снова расцветают
с каждой вновь рождённой любовью.

Только тень моя,
как серая пелена,
вытканная из тонкой печали,
снимает с меня уже мерку
для ждущей земли,
для влажной травы.

Мёрзнет летний день,
обрамлённый чёрной тенью,
и сереет трава
у ног моих,
как будто тронуло её
холодное дыхание осени...

Моя тень,
как серая пелена,
вытканная из тонкой печали,
снимает уже с меня мерку
и роднит меня
с ожидающей землёй,
с влажной травой, и в крови моей
я слышу плач вселенной
и нерождённую песню.

МОЙ БОГ

Мой Бог, Ты, наверно, сегодня
стал таким же бездомным, как я,
потому что людское сердце
от Тебя отказалось, не веря,
и идёшь Ты, как я, в одиночестве
от границы к границе,
от двери к двери.

На кого же свои мечты
должны мы покинуть, Боже,
чтоб их не пожрал огонь,
чтоб их не разрушили грозы?
Повсюду разврат, и
всемирный потоп
наступит от простого чуда:
чудо – наши горькие слёзы.

Повсюду разврат,
всюду ночь и мрак,
не спрашивай, Боже,
куда приведёт нас дорога;
быть может, сегодня нас встретит
людское душевное слово,
и в нём мы почувствуем сразу
близость родного порога.

ИЦИК МАНГЕР

(1901–после 1969)

БАЛЛАДА О ВОЙНЕ

Нам горе и муки враги принесли.
В кровавых могилах отцы полегли,

а матери несчастные под открытым небом
отдаются смерти за горбушку хлеба.

Дети боязливо у окошек ждут –
солдаты беспощадные на войну идут:

«Победа! Победа!» – клич этих зверей
уносит всё золото наших полей.

В зареве заката стаи облаков
похожи на обрывки окровавленных бинтов.

Дети боязливо у окошек ждут –
солдаты беспощадные на войну идут.

«Победа! Победа!» – клич этих зверей
уносит всю радость из душ у людей.

Последних дорог усталость, муки последних часов
и похоронное пенье – крики ворон и сов.

Дети смотрят из окон, позеленели лица:
словно волчок, взбесившись, наша земля кружится.

На каждой дороге крест, на каждом – распятый.
Все дома разрушены на войне проклятой.

Сыпь тифозная сумерек, муки последних часов
и похоронное пенье – крики ворон и сов.

Дрожат от страха дети и плачут у дверей,
они кричат и просят вернуться матерей,

но матери несчастные под открытым небом
отдаются смерти за горбушку хлеба.

ПЕСНЯ МОЕЙ НЕНАВИСТИ

Мне суждено воспеть пожар
еврейских общин, павших жертвой злобы,
и руки погружать в траву
вокруг еврейских каменных надгробий.

Когда б мне повезло, я деревом бы стал,
над вражьими детьми я б ивой встал плакучей,
чтоб тень моя на их упала сны
и отравила кровь моею песней жгучей:

«Отец ваш – топор, а мать – острый нож,
течёт моя кровь от ударов их лютых,
но за это – не вырасти вам никогда,
мною сочтены ваши минуты.

Отец ваш – топор, а мать – острый нож,
из-за них мои слёзы, позор и страдания,
но за это – не вырасти вам никогда,
я услышу последнее ваше дыханье».

О Боже, растерзай меня на части!
Мне хочется тел и душ палачей,
всех этих Каинов голубоглазых резать
до их последних кровавых ночей.

Кружат вороны над землёй кровавой,
над крышами домов до дальних рубежей,
и ненависть моя танцует, и собаки
поспешно слизывают вражью кровь с ножей.

БЕНИШ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН

(1902–1942)

БАГРОВО-КРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Багрово-красное солнце заглянуло в моё окно,
багрово-красное солнце вошло в каморку поэта,
оно разогнало все тени
своим ослепительным светом.

Багрово-красное солнце заглянуло в мой тёмный сад,
багрово-красного солнца лучи на мой сад пролились,
и стали все розы красными,
и бутоны пышно раскрылись.

Детей, что в саду играли,
наградило венками багровыми,
багрово в реке отразилось
и вершинами пляшет дубовыми.

ТЬМА

Шли они по дороге, шли они вместе со мной,
шли они медленным шагом так же уныло, как я,
опущены бледные веки от страха и от печали,
шли они в гетто молча, ужаса не тая.

Губы тонки, как ножи, остры и накрепко сжаты,
как одно огромное сердце, сердца их стучат без огня.
Кто это – живые люди или лишь мёртвые тени?
Все они боязливо столпились вокруг меня.

Молча, на них не глядя, я без труда узнал их,
мне жалко их всех, хоть многих я ненавижу всегда.
О братская солидарность всех несчастных и пленных!
Всех нас объединила одна большая беда.

Горе! О горе! От боли кровь моя закипела
и устремилась шумно в мир горячим потоком.
Как живодёр собаку, гонит меня опасность
и хлещет меня бичами: «Беги в исступленье жёстком!»

И я бегу, со мною рядом тени
на стенах – солнце, темнота у ног.
Столбами пламени из тьмы встают фигуры,
истории еврейской каталог.

Вот Уриель Акоста, и Маймонид Рамбам,
и Майер Аншель Ротшильд из семьи банкиров,
а рядом и Познанский, из Лодзи фабрикант,
и Иосилевич тут в повстанческом мундире.

Меербер испуганно смотрит
с пьедестала на путь опасный,
и Гейне, держась за Матильду,
восстал из могилы матрасной.

Идут кузнецы и сапожники,
плотники и горняки,
со всех фронтов маршируют
еврейских солдат полки.

И Евно Азеф с ними тоже идёт
и даже аптекарь крещённый,
ростовщики, творцы и святые, –
все бредут обречённо.

Тупой топор обрушила судьба,
и смерти нам, увы, не превозмочь,
звучат рыдания горькие, и тьма
преследует нас всюду день и ночь.

Я тех не гнал, кого я ненавидел,
и ненависти нет во мне сейчас,
ведь всех нас закрутил ужасный ветер,
и общий враг объединил всех нас.

Нас круто вверх ведёт дорога в пропасть,
и свист кнута нас гонит вновь и вновь.
Кто нам поможет, кто протянет руку,
которую ещё не запятнала кровь?

МАРК ЛЕЙБОВИЧ

(даты жизни неизвестны)

В ГЕТТО

Колонны серых безмолвных жертв
текут в угрюмую ночь.
Мороз жестокий, как изувер,
и ветер, острый, как нож.
Звёзды погасли и стынет кровь,
и дню вам не возразить.
Вороны, чуя большой улов,
не прекращают кружить.
Ночь зацепилась надолго здесь –
чёрным висит потолком.
Глаза охранников словно жесть.
И подавился гром...

Дорога ваша в один конец –
назад вам отрезан путь.
И в хрупких мыслях дерзкий беглец
свободу не сможет вернуть.
За вами и мы отправимся вслед,
в тяжёлый последний кросс.
Больше ни Бога, ни друга нет,
ни мыслей, ни даже слёз.
Поторопись, бессонная ночь,
позволь уснуть навсегда.
Надежда давно укатила прочь
туда, где почил бед.

ХОЛОДНАЯ ВЕЧНОСТЬ

Нет хуже судьбы и глубже печали –
лишиться близких – сестёр и братьев.
На смерть палачи нас, как стадо, согнали,
в ответ мы можем лишь слать им проклятья.

Страшней и во сне не увидишь картины:
вот мать избивают, ломают руки,
за то, что она на пороге кончины
ребёнка желает спасти от муки.

Нет в мире, наверно, страшнее драмы,
чем это безбожное злодеянье:
отнять насильно ребёнка у мамы.
Убили б их вместе – было б гуманней.

Отправимся скоро в холодную вечность.
Она стережёт нас за каждым порогом...
Даже муки не могут быть бесконечны,
смерть только может быть их итогом.

СИМХЕ ШАЕВИЧ

(1902–1944)

ВЕСНА 1942

1.

И однажды в счастливый час
на земле весна началась.
Эй, небо, радуйся, радуйся!
Ты, словно новорождённое,
лежишь в голубой золотой колыбели,
и нежный ветер колышет тебя.
Поют тебе ласточки сладкие песни,
ты играешь с серым облаком-медведем,
заблудившимся в синем просторе.
Утром ты просыпаешься
с фиолетово-сонной улыбкой,
с радужным нежным сиянием,
а вечером ты засыпаешь
прекрасною детской сказкой
в пламени ярком заката.

2.

И однажды в счастливый час
опять на земле весна началась.
Ещё один корень дерева
пустит глубоко в землю,
строят старательно птицы
уютные новые гнёзда.
И лишь братьям моим по гетто
пришлось покинуть дома,
увитые сладкими снами.
Выполняя жестокий приказ,
сотнями и десятками
бредут они, спотыкаясь.

Усталые и больные,
шагают они как пьяные,
но только они опьянели
не от вина, не от водки,
их опьянило горе, отчаяние и боль.
Руки их еле движутся,
как крылья усталой птицы,
глаза их смотрят бессмысленно,
словно у новорождённых.
Как у овец, которых
на бойню гонят кнутами,
стучит в груди их не сердце,
а бесконечный страх, —
так комья земли промёрзшей
стучат холодной зимою,
когда их кидают в могилу
лопатами с высоты.

3.

И однажды в счастливый час
вновь — Богу хвала — весна началась.
Ночь протрубила в серебряный рог
юного месяца новую песню,
чтобы прославить приход весны,
которая в этом году
пришла, как гость запоздалый.
Но вот идёт измождённая мать,
на спине, как горб у верблюда,
огромный узел с пожитками,
за нею, мал мала меньше,
пятеро деток оборванных.
На ногах у них рваная обувь,
подвязанная бечёвками,
тяжёлый мешочек с хлебом,
словно сума у нищего,
у каждого на плече.
Они уже так устали,
что не могут дальше идти,
и мать их, словно наседка,
над ними раскинула руки.

Старший шагает сам,
второго она ругает,
третьего в спину толкает,
четвёртого умоляет,
а пятого взяла она на руки.
Но вдруг сама она остановилась,
дыхание у неё перехватило,
стоит она, подобно мёртвой рыбе,
открывши рот и выпучив глаза,
груз на спине, ребёнок впереди
её раскачивают, словно на качелях,
то вверх, то вниз,
туда, потом обратно,
то вверх, то вниз,
туда, потом обратно.

4.

И однажды в счастливый час
возрождения чудо свершилось
и снова весна началась.
И только в гетто у нас
никого не волнует голод,
охвативший все члены тела,
все забыли давно о смерти,
что стучит повсюду хозяйкой,
ни одной не минуя двери.
И словно несчастные овцы,
дрожат они и трепещут
пред изгнанием в далёкий неведомый край,
дрожат они и трепещут
пред невидимой огненной надписью:
«На жизнь или на смерть».
И стоит здесь увидеть старику
с покойником телегу, и тотчас
глаза его от зависти блестят:
«Да, этому, конечно, повезло!»
А юноша, поникнув головой:
«Нет, всё равно — пошло к чертям всё это!»
И трижды сплюнет юная невеста:
«Тьфу-тьфу-тьфу! Пусть чёрный ангел смерти

мне поскорее станет женихом!»
И даже до смерти измученный ребёнок
с лицом заплаканным, скривившимся лепечет:
«Ой, мамочка. Я больше не могу!
Ой, положи меня в тот чёрный ящик!»
.....

6.
И однажды в счастливый час
опять на земле весна началась.
Поведут жеребца к кобыле,
поведут к корове быка,
всюду снег потемнеет, растает,
станет снова зелёной трава.
Но тот, кто будет пахать,
найдёт на земле тела
тех, кто ужасную смерть
нашёл в середине пути.
Оцепенев, он увидит
от боли скривившийся рот
и ужас в глазах открытых:
«Ой, доченька, где ты меня положила?»
И посмотрит пахарь и увидит,
что следы уходят, извиваясь,
и зигзагом возвращаются обратно,
мечутся в бредовой лихорадке:
«Папочка, дай мне кусочек хлеба,
папочка, дай сахара кусочек!»
И увидит пахарь потрясённый,
как рука, измазанная глиной,
судорожно сжала корку хлеба –
он глядит, разинув рот, не зная:
это примета хорошая –
хлеб это, хоть и чёрствый,
или плохая примета –
человек этот всё-таки мёртвый?

7.
И однажды в счастливый час,
ха-ха-ха, опять весна началась.

Деревья и трава в росе, как в жемчугах,
и снова солнце щедро дарит миру
своё тепло и золото лучей.
И всё же: почему и ветки, и кусты
трещат, ломаются, когда на них наступят,
а ты, моё измученное сердце,
нерываешься от этой страшной муки,
когда, как стаю бешеных собак,
враги весь твой народ несчастный гонят?
Ты, сердце глупое, считаешь, что тебя
минует эта страшная дорога.
О, почему я не сошёл с ума
и не танцую посреди дороги,
в пыли не кувыркаюсь вверх ногами,
не поднимаю к небу кулаки,
не бьюсь я глупой головой об стену,
свои до крови не кусаю пальцы,
не распеваю радостные песни?
И только льются, льются, льются слёзы,
потоки слёз из глаз моих текут.
Так почему ж моё больное сердце
не разрывается от этой страшной муки?

КАЛМАН ЛИС

(1903–1942)

РУЧОНКИ

Давно я не жду от жизни добра.
Приемлю судьбы решение любое.
Тянутся детские ручки с утра
в напрасной надежде на что-то съестное.

Ладонки нежные холодом скрючены.
Ноют распухшие синие пальцы.
Глазки печальны, лица измучены.
Мало в них детского, в этих страдальцах.

Пищу найти бы для деток любую.
Всем по кусочку, по маленьким крохам.
Задачу поэта вижу земную –
бороться за них до последнего вздоха.

Давно не жду я от жизни добра.
Приемлю судьбы решение любое.
Тянутся детские ручки с утра
в напрасной надежде на что-то съестное.

ИОСИФ БАУ

(даты жизни неизвестны)

ГОЛОД

Одежда на мне, как мешок, повисла.
По ней угадать никак невозможно
прежние формы моей фигуры,
что нынче,
как корки чёрствого хлеба.
В троянском коне моей утробы,
в иссохших моих потрохах,
марш напевая
голосом хриплым,
голод шатается пьяным бродягой.

Я смог бы сожрать всю пищу на свете.
Амбары своим языком очистить.
В весёлое пиршество
я сковал бы
завтрак, обед и ужин,
как цепью.
Пальцами рук своих,
словно вилами,
всю пищу легко,
как пух, подцепил бы я:
мясо, запеченное с печеньем,
консервы с сыром и фруктами,
рыбу в желе и снова печенье.
Ха!.. Ха!..
Вот здорово! Великолепно! –
первое блюдо, второе и третье.
И вновь бы смешал продукты я эти.
От похоти шея и уши трясутся

и подбородок от смальца лоснится,
но я не стану его утирать.

В окрестностях звук отдаётся от стоны
моего плотоядного чавканья
(не помню я правил хорошего тона).
И нет для меня нужды в пожелании
приятного аппетита! И вот я повторно
рот набиваю пищей проворно
и рьяно жую и жую в упоении...
Утешьтесь, прошу вас!
Я скоро окончу эти движения.

Вновь окунаюсь в воспоминания
о лакомствах,
мною давно уничтоженных.
К небу тяну свои тощие руки
и языком,
только нищим присущим,
по-итальянски прошу и по-польски:
«Дайте дневную мне порцию хлеба!
Пусть даже в кредит,
но только немедленно!..»

Ты голодал ли когда-нибудь,
Господи?..

концлагерь «Плешув»

ПАВЕЛ ЦИБУЛЬСКИ

(1903—после 1970)

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Я предостерегаю вас,
расточительные деревья,
утопающие в зелени:
укротите необузданность
вашего цветения
и не слепите глаза
в хмельном пиршестве.
Разве вы забыли,
что за легкомысленным
цветением неотвратимо
следует увядание?
Кто утешит вас тогда
в обманутых надеждах?

В МАЙДАНЕКЕ

Жестяные мятые миски
с шелудивым серым налётом,
свидетели унижения
и гибели многих людей,
о чём напомнить мне хочет
ваше гнойное дно?
Кого успокоить может
то, что каждый кусок,
который съедаю я дома
из фарфоровой чистой тарелки,

у меня застревает в горле?
И разве вас возвеличит,
если во всех церквах
сорву я венцы терновые
и повешу, как символ позора,
ореолы жестяных мисок
на головы всех святых
за то, что они не услышали
ваш отчаянный крик?

СЛОВА

Где найду я
настоящие слова,
скрытые в суете недель,
как ростки под мшистыми камнями?
Я до крови изранил руки,
разрывая источник засыпанный
исчезающей речи идиш,
которая ищет спасения
в дыхании каждого слова.

1939 ГОД

Ты в памяти моей стоишь, отец,
на перепутьи рвущихся миров.
В тревожном сумраке вечернего вокзала.
С надеждою спросил ты своего,
такого образованного сына:
«Сынок, скажи мне, будет ли война?» –
«Конечно, нет, народы это зло
в зародыше задушат», – я ответил.
Поцеловав твоё усталое лицо,
твои печальные библейские глаза,

твой сын ушёл.
Ушёл я навсегда,
ответ правдивый
унося в груди.

ШТРИХ К ПОРТРЕТУ МОЕЙ МАТЕРИ

На лбу,
где отец привязывал,
как виноградные плети,
молитвенные ремни,
мамочка, был у тебя
шрам, как укус змеиный.
Шрам этот был от камня,
который какой-то верующий
бросил в тебя со злобой –
за распятие их спасителя,
за то, что у нас была лавка
с парой мешков овса,
с пучками душистого сена,
за очи миндалевидные,
у святого семейства украденные.
Через две тысячи лет
нашли, наконец, безгрешного,
который бросил тот камень,
от которого спас Христос
грешницу Магдалину.
Вижу я этот шрам
в дыме печей Треблинки,
их распалили те,
кто носит кресты змеиные,
вижу, как ты улетаешь
в небо через трубу.

ШЕВА ГЛАС-РОЗЕНБЛЮМ

(даты жизни неизвестны)

Я НЕ ВИНОВЕН В ТРАУРНЫХ МОТИВАХ

Я не виновен в траурных мотивах.
Я никогда бы не коснулся их.
Но в голове моей, в её архивах,
сидит бесчисленных страданий стих.

Их сами по себе уста бормочут,
переворачивают всё нутро.
Они, как братья мне по вечной ночи,
и горем водит здесь моё перо.

Боль – тема не моя. Мне не присуща.
Она войной в сознание вплетена.
Она увязла в толпой сердца гуще,
и ею стонет лагерей стена.

Огромным силуэтом вечной ночи
вполз в душу и расплылся серый страх.
Сжимает горло и дыхание точит,
выплескиваясь в траурных стихах.

ИОСИФ РУБИНШТЕЙН

(1904–после 1970)

ЗНАЕТ СЛЕПАЯ СТЕНА

Знает слепая стена: она ведь слепа.
Дверь ощущает: проём её кособок.
Ветром прочерчена резко моя тропа.
Богу известно всё.
Лишь равнодушен цветок.

С рассветом, с надеждой является день.
Но сможет ли день своё разглядеть лицо?
Врывается ночь и всё погружает в тень.
Но видит ли ночь
тени своей кружевцо?

Я берегом плёлся за путеводной звездой.
И Млечный Путь дорогу мне осветил.
Только звезда понимала со всей остротой –
я навсегда затерян
на пути этом был.

КАМИН

Отдых находит на крыше гряда облаков,
чтобы опять погулять по небесной пустыне.
Вечер наполнился грохотом их башмаков,
и резонанс его слышен в глубоком камине.

Что-то надумал себе наш мечтатель-камин:
мыслит отправиться он с облаками в дорогу,
клубами дыма себе проложить лабиринт,
слиться в одно с облаками в счастливом итоге.

Вот из трубы появляется шёлковый дым,
плавно вращаясь в преддверии радостной встречи.
Но равнодушно плывут облака перед ним...
Трепет заката окутал весь город в тот вечер.

ОКНО

Ночью спит огромный дом
беспробудным тяжким сном.

Днём там шепоты и шорох
на парадном, в коридорах,
неуместные вопросы
и разбитой скрипки слёзы.

Но сейчас весь дом уснул,
все проблемы зачеркнул.

Спят и двери, и балконы
лишь в одном окне зелёный
чуть мелькает огонёк,
вам, наверно, невдомёк,
что окно мечту лелеет
настежь вылететь скорее.

То погаснет, то опять –
ни за что не хочет спать.

Здесь, на пятом этаже,
завертеться б в кураже
и свою больную скрипку
вынудить дарить улыбку.

ХАНА ХЕЙТОВ

(даты жизни неизвестны)

ОСТАВЛЕННОЕ ДИТЯ

Деревушки бедный вид.
На отшибе дом стоит.
В нём девчонки и мальчишки,
белокурые детишки,
смотрят в небо сквозь окно.
Хоть невелико оно,
с ними рядышком – дитя:
глазки чёрные блестят,
полные очарованья,
щёчки – лишь для целованья,
темнокудрая головка...

Мама пробиралась ловко
по окраинам в ту ночь,
чтоб дитя упрятать смочь.
Крепко-крепко обнимала,
горько плача целовала,
говорила торопливо:
«Будь послушным, терпеливым.
Здесь теперь ты будешь жить.
Идиш должен позабыть.
Всё еврейское забудь,
мальчиком литовским будь.
Стань таким, как эти дети,
и спасёшься ты от смерти».
Маму за руку держа,
плакал мальчик, весь дрожа:
«Мамочка, не уходи!

Не могу я здесь один,
быть хочу всегда с тобой.
Забери меня домой!»
Сердце матери в тревоге,
ей давно пора в дорогу.
Что там будет, впереди?
Но, дитя прижав к груди,
убаюкала его,
малышонка своего.
Напоследок на еврейском
тихо-тихо спела песню,
может быть, в последний раз.
Слёзы отирая с глаз,
вышла в путь, дитя оставив.
Холод с ветром бились в ставни.
Мать бредёт почти в бреду,
сердцем чувствуя беду.
Не видать вокруг ни зги.
Боже, Боже, помоги,
охрани моё дитя!
Ветер буйствует свистя»...

Дом чужой с людьми чужими,
бродит мальчик между ними,
он не плачет, не кричит,
как немой молчит, молчит.
Имя Йоселе бывшее
заменяли на другое.
Не мила чужая жалость,
детское сердечко сжалось.
Сердце матери от сына
вдалеке, всё чуя, стынет,
хоть она не виновата...
Мальчик выбежал из хаты.
Одиноко ветер выл...
Видно, Бог их позабыл.

МОШЕ ШИМЕЛЬ

(1904–1943)

ВСЁ ХОРОШО

Всё хорошо,
что с любовью роднится:
девушка в шляпе, парящая птица,
улицы дома, стены домов –
мне по душе, согревают мне кровь.

Словом, любой на дороге предмет,
встреченный мной и пока ещё нет.

То, что ушло, что сейчас и что будет,
мысль мою и волнует, и будит:
львовских берёз на ветру колыханье
всюду моё привлекает внимание,
камень надгробный, внушающий силу,
ляжет, возможно, ко мне на могилу,
кони, что мчатся стихии навстречу,
и изукрашенный заревом вечер.

Всё хорошо,
что противится смерти,
я это чувствую – вы мне поверьте:
девушка в шляпе, парящая птица,
свет из окошек и встречные лица,
камень надгробный, что дремлет под снегом,
и отдыхает он, свыкшись с ночлегом.

НА ДЕРЕВЯННОЙ СКАМЬЕ

Как всегда на скамье деревянной
повстречаем мы солнца закат.
Как и тысячелетья назад,
он появится здесь без обмана.

Так запомним же это свиданье, –
ведь оно принесло нам страданье...

Мы прошли уже множество миль.
Всё доверчиво скажем друг другу.
Только дай мне, пожалуйста, руку.
Ветер тащит к нам жёлтую пыль

и волнуется в пасмурный вечер.
Так запомним последнюю встречу...

Отпусти и расстаться позволь
нам с открытыми настежь глазами
посмотреть, как рождается боль,
пролистав то, что было меж нами.

СНЕГ МОЕЙ МАМЫ

Это банально, но не напрасно.
Хоть снег моей мамы всегда был белым,
а не таким, как поэт хотел бы –
зелёным, синим и, может, красным.

Сперва он был сдержан, спокоен очень,
не таким, как звёзды, что падать желают,
и хворь, от которой затем умирают.
Снег белый выпал почти что ночью.

Зачем-то куражился он над нами.
Зимой ведь дрова и уголь дороже.

Детей одевали теплей и надёжней.
И печь топили мы целыми днями.

А мама моя всю зиму болела:
стонала и кашляла — ночью и днём.
И на молоко подскочили цены,
но снегу до этого не было дела...

Снег не полюблю ни за что на свете.
Его красоту ни за что не приемлю,
ведь он отправил мать мою в землю.
Мечтаю всегда я о тёплом лете.

ОБРАЩЕНИЕ К МАЛЬЧИКУ ИЗ ЕВРЕЙСКОГО МЕСТЕЧКА

Мальчик, не плачь. Вытри слёзы.
Всё хорошо будет вновь.
Раны залечим. Забудем угрозы
и смоем кровь.
Солнце заходит. Сплошная тщета
на свете белом.
Чёрные дни и нищета
нас одолела.
Стиснем зубы и подождём.
Нам поможет терпенье.
Вскоре явится солнечным днём
освобожденье.
Долго ли будут мучить и бить
нас эти шакалы?
Больше не станем мы слёзы лить,
начнём жить сначала...
Раз. Два. Три. Четыре. Пять.
Далее так до лучшего раза.
Надо пока терпеть нам и ждать —
свобода придёт не сразу.
Мальчик, не плачь. Не надо.

Только б ты страх поборол.
Дом приведём в порядок,
стулья починим и стол.
Если сожгут наш дом,
новый построим мы непременно.
Будут на солнце сверкать
его белые стены.
Мальчик, не плачь.
Пусть слеза не туманит
юный твой взгляд.
Наших врагов больше не станет –
их истребят.
Как тараканов их раздавят,
их мы дождёмся конца,
и отомстят за погибших,
за маму твою и отца.

ИМЕНА АВТОРОВ НЕИЗВЕСТНЫ

НАШ БЕЛЦ

Множество новых печальных дорог
берут направление в наш городок.
Он прежде весёлым был и беспечным
теперь стал для многих он пунктом конечным.

Наш Белц был уютным, легко было в нём.
Здесь детство прошло, находился мой дом.

Сейчас паровозные звуки вокзала
время со стонами перемешало.
Ребёнок зовёт в вагоне упрямо
свою недавно умершую маму.

Наш Белц был уютным, легко было в нём.
Здесь детство прошло, находился мой дом.

К нам поезд отчаянье с горем привёз:
молитв, и проклятий, и вздохов, и слёз.
Ну, как этот ужас обрушиться мог?
И как допустил ту трагедию Бог?

Наш Белц был уютным, легко было в нём.
Здесь детство прошло, находился мой дом.

Поставим здесь памятник выше Татр
всем тем, кто землю навеки взят.
Белц никогда не забудет их лица –
в память о них будем жить и молиться.

МОЙ БРАТ

Зелёный дуб, ты полон сил,
твой ствол и юн, и крепок.
Туман тебя посеребрил,
росой стекая с веток.

Любуюсь я твоей красой
и горд твоею силой.
Но как недолог мой покой —
тревога всё затмила.

Печально вдруг склонился дуб,
мой гордый дуб зелёный.
В лесу лютует лесоруб,
шумят в тревоге клёны.

Но не о дубе эта речь,
не о ветвях и кроне.
Пришлось здесь брату в землю лечь,
под дубом похоронен.

Как дуб, он тоже крепким был,
исполнен доброй силы.
Палач был, что его убил,
коварным и трусливым.

На свете больше брата нет,
и радости не стало.
И для меня померк весь свет,
а палачам всё мало.

Торжествовать должно добро,
и близок час отмщенья.
За муки брата моего
нет палачам прощенья.

МЕИР ГАЛЬПЕРИН

(1905—после 1970)

КАК ЗНАТЬ?..

Как знать, откуда ветер налетел?
Подобен он сверхраскалённой лаве.
Непредсказуем он в своей управе.
Чего желает? Где его предел?
Ерошит на морях седые волны
и тьму крушит разрывом нервных молний!

Как знать, откуда ветер налетел?
Наверно так, украдкой, тенью вроде.
Свой хоровод над стенами он водит.
Кровать — вот главный у него прицел.
Он, верно, норовит в безумном танце
оставить след на потускневшем глянце.

Как знать, откуда ветер налетел?
Я помню то, что ветер безвозмездно
швырнул валун с высокой кручи в бездну,
и это только штрих из ветра дел.
Рождает эхо гулкое порою
и мысль одну, что может стать другою.

Как знать, откуда ветер налетел?
Слова рожают смысла направление.
Они меняют прежнее решение
и всё, над чем подумать не успел.
И откровенные плоды цивилизации
в душе свои плодят ассоциации.

Как знать, откуда ветер налетел?
Его круженья яростные вихри
рассудок сокрушают, бьют под дых ли —
туда, куда он только повелел.

Тоске и горю сможет ли помочь он,
сменяя ясный день кромешной ночью?
И не узнать, откуда ветер налетел...

ВСЁ БЫЛО...

Было всё. Да только всё прошло.
В пропасть соскользнул с горы утёс?
 Было всё. Да только всё прошло.
 Ветра стон звучал в руинах дома.
Было всё. Да только всё прошло.
Взмах орлиных крыльев мне знакомый.
 Было всё. Да только всё прошло.
 Громыханье колокольных громов.
Было всё. Да только всё прошло.
Эхо ветра звук шагов унёс...

НЕСЛЫШНОЙ ПОСТУПЬЮ

Всегда сопровождает некто нас.
Неслышной поступью. Ни звука не издаст.

В дыханьи убедись его и в том,
что он, как тень, твой посещает дом.

В невероятные поверишь сны,
что в неудачах нет твоей вины.

В воображении иное видит глаз.
То, что в реальности, мертво подчас.

Неслышной поступью. Ни звука не издаст
тот, кто сопровождает вечно нас.

МИША (МОШЕ) ТРОЯНОВ

(1906–1942)

АКТУАЛИЯ

Дверь на замок и плотнее окно!
Злые собаки воют давно.
Рвутся с цепи и со злобою скачут.
Дети в испуге проснулись и плачут.
Жизнь беспросветна. Печальна она.
Горечь её пропитала до дна.
С болью и гневом сжимаются руки.
Камень в окно кто-то кинул со скуки.
Зачем только звёзды им путь освещают?
Убить и ограбить никто не мешает.
Дверь на замок – и не стой у окна!
Воем и злобой ночь напоена.
Окно занавесь... Огарок зажги...
Тревожные ночи... Тяжёлые дни.

ГОЛУБОЕ НЕБО

Весна колобродит. Тучи на небе белые.
Чирикают птицы, словно бы оголтелые.

Нежный солнечный лучик из зимнего плена
разогрел застывшую землю мгновенно.

Этот тонкий лучик, острый, как гвоздик,
к продрогшей планете перебросил мостик.

Люди толпами бродят. Небо голубеет.
На душе тревожно. Боль на сердце зреет.

О весне и тучах завожу я речи,
думая, что это от тоски излечит.

Мы уже отвыкли, нету больше мочи
отличить сегодня ясный день от ночи.

НОХЕМ БОМЗЕ

(1906–1954)

ПОДВАЛ МОЕГО ДЯДИ

Дядин подвал не мал, не велик –
всего-то он три на четыре.
С порога разносится тётин крик
по лавочке и по квартире.

Дверь настежь распахнута даже зимой.
Хлеб чёрствый и масло прогоркло:
«Купи что-нибудь, на пороге не стой –
отдам товар за недорого».

Заходит сельчанин: «Здравствуй, Абрам!
Но, кажется, зря я притопал, –
за такой товар ни гроша я не дам,
не стану несвежее лопать».

Тётин взгляд обречённо повис,
дядин подавлен, как от удара:
«Постой, Иван, не торопись –
продукты почти что задаром».

Звенит колокольчик. Закрылась дверь.
Сельчанин не взял ни кусочка.
Мы не знаем, как жить нам теперь...
Сельди сонно скучают в бочке.

НИКТО НЕ ЗНАЛ

Никто не знал, насколько ты больна –
от кровохарканья ты тихо чахла.
И дни свои считала ты одна,
и смерть ждала спокойно и без страха.

Но долгая вечерняя тоска
над городом вихляла круговертью.
Твоя улыбка так была легка
и отвечала на улыбку смерти.

Когда тебя телега увезла
к последнему печальному причалу,
твоя хозяйка жадная со зла
нам про долги ей за жильё кричала.

Тебя укрыли холодом холма,
к поминкам не нашли причины...
Мать ждёт, как прежде, от тебя письма,
ещё не зная о твоей кончине.

ВСЕ КРЫШИ ГОРЯТ

Огонь плывёт по крышам домов.
Лезет на церковь и синагогу.
Искры его улетают к Богу.
Мои земляки покидают кров.
Бегут в никуда без дороги,
как стадо коровье в хлев свой убогий.
И весь горизонт окрасился в кровь.
Вот под огнём уже рухнули крыши.
Сгорели мосты. Туманом дым.
Но я ничего как будто не слышу:
ни паники общей, ни криков: «Горим!»
Жду чистого неба над головой.
Я знаю, оно нам подарит покой.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

Осень пылает мазками крапlachными.
Мечутся листья осеннею ранью.
Друг мой торопится, долгом охваченный,
маме своей сказать: «До свиданья».

В дверь постучится он стуком знакомым:
«Мама, закрой на задвижку плотнее,
я не заночую сегодня дома,
а возвращусь, когда утро созреет».

Мать взглянет с взволнованным видом.
И губы её задрожат от горя.
Глаза затуманятся плёнкой обиды.
Вслед сыну посмотрит с немим укором.

Её глаза всю ночь не сомкнутся.
Они проследят за плывущим месяцем,
за тем, как деревья от ветра гнутся...
И слышен шорох за дверью, на лестнице.

ЯНКА (ЯНИНА) ХЕШЕЛЕС

(даты жизни неизвестны)

БЕЛЖЕЦ

День нынче ужасом намертво схвачен.
Стены вагонов дрожат от плача.
Поезд телами загружен до крыши
теми, кто мёртв и кто ещё дышит.
Стон заглушает колёс перестук.
На смерть нас везут – избавленье от мук.

В Белжец! В Белжец!
Оттуда пути
назад уже никогда не найти.
Во тьму, в кромешную тьму.
За какие грехи –
никак не пойму...
Если жизнь тебе ещё дорога,
прыгай смелей, хоть снаружи пурга.
Охранников лишь опасайся в пути –
подальше от Белжеца надо уйти.

ИЕШИЯХУ ШПИГЕЛЬ

(1906– после 1970)

СВЯТАЯ ТЕНЬ

Святая тень народа моего! Прости,
что я забыл могилы, смерть и страх,
что в мраке том, что ноги обвивает,
я руку братскую хочу найти впотьмах.

Так кто же мне свою протянет руку,
чтоб не погиб я в темноте ночей?
С надеждой жду: взойдёт на небе солнце
и я воскресну в золоте лучей.

Святая тень народа бедного! Прости.
Нет слёз, чтоб плакать, слов, чтоб причитать,
от слёз и ярости глаза мои ослепли,
я с нетерпением жду, когда начнёт светать.

Быть может, исцелит меня земля
и возродит для добрых, светлых дел.
Святая тень, прости и дай благословенье,
чтоб я зарю во тьме не проглядел.

МОЕЙ МАМЕ

1.
Моя маленькая худенькая мама,
маленькая мама из Могильниц...
Вот опять цветут вдоль улиц вишни,
снова реки в Польше зажурчали,

серебрится вновь в аллеях тополь,
только нет тебя, тебя лишь нету,
маленькая мама из Могильниц.

Если бы все матери на свете
знали бы тебя, моя родная,
маленькая мама из Могильниц,
плакали бы все они, конечно,
так, как я, сынок твой, горько плачу,
плачу, как от режущего ветра,
ветра, раздувающего пламя, –
в нём твоё сгорело сморщенное тельце,
маленькая худенькая мама,
маленькая мама из Могильниц.

Нет тебя,
тебя на свете нету,
маленькая худенькая мама...
Хоть опять цветут вдоль улиц вишни,
тополя в аллеях серебрятся,
только мне вовеки не удастся
обхватить руками холм могильный
и сказать: «Лежит моя здесь мама,
маленькая мама из Могильниц».

2.

Я помню ту багряную рубашку, –
её ты мне в последний раз одела,
она сжигает сны мои ночами,
с тобой в огне моё сгорело тело.

Я помню вкус того кусочка хлеба,
что ты от своего мне отломила,
мне не забыть руки твоей пожатье,
когда сказали, что нас ждёт могила.

Когда над Польшей ярко светит солнце,
я голову склоняю в муке тяжкой,
и небо надо мной разорвано кроваво,
как на груди багряная рубашка.

3.

Я не увижу, святая мама,
как ты зажигаешь субботние свечи,
и никогда я, моя родная,
взгляда глаз твоих кротких не встречу.

Ива склонилась к реке и плачет,
сумрак вечерний от горести пьян,
и месяц поблекший помнит, как тихо
ты уходила в вечный туман.

Мне не услышать шагов твоих мягких, —
они мне музыкой нежной звучали.
Смотрит глазницами выбитых окон
старый наш дом в безысходной печали.

Я не видел твои последние слёзы,
не мог твои волосы поцеловать.
Кто же последним глаза твои видел,
когда ты на смерть уходила, мать?

Что же мне делать, моя родная,
больше нет слёз и плакать нет силы.
Каждый ведь хочет что-то обнять, —
могильного холмика мне бы хватило.

Ещё бы скамью деревянную в тихий,
поросший высокой травой уголок.
Наверное, есть в этом режущем ветре
пыль от твоих утомлённых ног.

ФИОЛЕТОВЫЙ ИЮЛЬ 1942

Июльский рассвет фиолетовый.
Не взойдёт уже завтра солнце
для тех, кто сжаты в машинах,
кого ожидают пламя и смерть.

Ничего глаза их не видят,
застыв от животного страха,
а небо прекрасную песню
над толпой обречённых поёт.
Машины стоят потерянно,
замерли на тормозах,
моторы, как псы разъярённые,
лают ритмично и зло.
Машины уже отъезжают,
— о дай мне закрыть глаза!
Июльский рассвет фиолетовый,
чудно, тепло и светло.

РОМАН БРАНДШТТЕТЕР

(даты жизни неизвестны)

ИОСИФ РАКОВЕР ИЩЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ У БОГА

И обратился Иосель к Богу, говоря:
Ты, кто сотворил меня одним из сыновей Израилевых,
сыном народа самой горькой земной судьбы, –
я верю в Тебя,
Боже Авраама, Исаака и Иакова,
хотя Ты и сделал всё,
чтобы я разуверился в Тебе.
Но я и поныне не усомнился в законе Твоём,
хотя деяния Твои далеки
от всякой справедливости.

Скажи, о Господи,
что ещё Ты против нас замыслил,
прежде чем Ты обратишь вновь к нам лик свой?

Не следует ли знать нам,
лишённым чести и достоинства,
оплёванным,
истязаемым,
уничтоженным,
живьём погребённым,
долго ли ещё пребудут дни гнева Твоего?

Господи! Господи!
Ты Бог наш или...
Ты Бог убийц наших?

Боже, горечь в душе моей
не позволяет мне прославлять то зло,
которое Ты причинил избранному Тобой народу.
И всё же я прославляю Твоё грозное Величие,
достойное удивления, полное силы
и исключаящее ошибки.
Страдания, которые Ты причинил нам,
не умалили его и не пошатнули.

Господи, я пришёл в этот мир
с верой в Тебя,
чтобы соблюдать Твои заповеди
и прославлять имя Твоё.
Почему Ты сделал всё,
чтобы я разуверился в Тебе?
И всё же Ты не заставишь меня свернуть
с моего пути, мой Боже,
Боже моих отцов.
И пусть это никогда не повторится.
Ты отнял у меня жену,
и детей моих,
и дом мой,
и всё моё добро.
Ты превратил меня в жалкий комок плоти
и бросил его бешеным псам на съедение.
Ты заклеил меня печатью уничижения.
Но я не перестану верить в Тебя
и сохраню любовь к Тебе,
даже вопреки Тебе.

Боже, который сделал всё,
чтобы я в Тебе разуверился!
ШМА, ИСРОЭЛЬ,
АДОНАЙ ЭЛОГЕЙНУ,
АДОНАЙ ЭХАД!

ЭЛЬХАНАН ВОГЛЕР

(1907–после 1970)

НА ЧУЖБИНЕ

Милы их танцы и улыбки,
но прелесть женщин угасает.
Я доверяюсь только скрипке,
её смычок меня спасает.

Терзают муки и заботы,
чужих дорог и пни, и кочки.
Согреют дом и печь кого-то,
я – под дождями дни и ночи.

Кого-то ждут жена и дети,
а я один брожу в пустыне –
нет близких у меня на свете,
скитаюсь вечно на чужбине.

Луна распухла, словно жёрнов,
с утра жжёт солнце до заката.
Я от корней своих оторван,
от древа, что цвело когда-то.

Я твой, Литва, твоё творенье,
росой на белых хризантемах.
И птицы в светлых сновиденьях
поют мне над тобою, Неман.

ДОВИД СФАРД

(1907 – после 1970)

ЕСЛИ Я ЗЕМЛЮ ОСТАВЛЮ

Если я землю оставлю, так кто же
ненависть нашу к убийцам проявит?
Кто о тернистых путях и страданиях
вам по-еврейски без страха расскажет?

Кто вам измерит всю цепь унижений,
горе отца, материнские муки?
Кто вам, скажите, минутами счастья
неизмеримость потери оплатит?

Если уйду я навеки, так кто же
вспомнит о наших безвестных героях,
кто их могилы землею укроет
и сохранит их в грядущие годы?

Если же с песней еврейскою кто-то
цепь золотую ковать не устанет,
чтобы она бесконечно тянулась, –
как я тогда эту землю оставлю?

СЛОВО

Я хочу породниться с мечтой,
чтоб её воплотить навеки
в моих песнях звенящий строй,
лет моих убегающих вехи.

Нет богатства и денег нет,
только словом одним владею.
Я его до последних лет
на дорогах крутых лепелял.

В своё сердце его приму,
напою своей кровью слово.
И для вас сквозь ночную тьму
путь оно осветить готово.

ХАИМ СЕМЯТИЦКИЙ

(1908–1941)

МОЕЙ МАТЕРИ

Мама, я теперь не люблю,
как прежде,
ни зиму, ни снег —
они выглядят так,
словно выросли в поле,
потому что уставшие ноги твои
уже не смогли
проводить меня в путь
по снегу,
что лежит у порога,
ослепительно чист и бел.

Ты долго тогда глядела
на следы моих ног,
оставленные на снегу.

С любовью к тебе
я вижу сегодня многое.
К примеру:
я вечер люблю
с колыбельными песнями.
Дорогу, что каждое утро
вела тебя к синагоге.
Страницы желтые Библии
с разводами от слёз,
пролитых из-за меня.
Твоё ветхое субботнее платье.
Люблю лес.

Даже ту нашу серую жизнь.
Но не люблю:
ночные крики детей,
что, пугая, будили тебя.
Вечер, несущий чёрные тучи
мимо окон твоих.
Молоко, выкипающее в кухне, –
словом, всё, что тебя раздражало.

Иногда, даже себя:
ведь я не таким оказался,
каким ты хотела.

ВЕЧЕР НА ПРУДУ

В розовой обуви плавно спускается вечер
прямо на берег.
Значит, гусям скоро идти на покой.
Звёзд вереницы
станут тихо плескаться в пруду.
И одинокий вечер
моёт лицо своё тёмное
в ветре и волнах,
пока не наступит рассвет.

В КРОНАХ ДЕРЕВЬЕВ

В кронах деревьев купается день.
Солнцу в деревьях плескаться не лень.
Я – дерево тоже,
желаю того же...
В озере туча – серый корабль дня.
Чайка к волнам приглашает меня.
Я – озеро тоже,

желаю того же...
В тумане и синее небо, и поле.
Зелень в росистом блестит ореоле.
Я – зелень тоже,
желаю того же...
Во сне беспокойном плачет ребёнок.
В весёлом – смех его весел и звонок.
Я – маленький тоже,
желаю того же.

ВАРШАВА

Мой город! Твоё, как удавкой, затянуто горло.
И плечи из камня подёрнуты нервною дрожью.
Незримый извозчик сжал мёртвую хваткою вожжи –
но в связке с подобным себе ты ведёшь себя гордо.

Небесная гладь ослепительно-ртутною жестью
прикована к крышам твоих населённых кварталов.
Бушует дыханье твоё откровенною мстостью
за жизни людей – ведь война унесла их немало.

Дома бедняков, погружённые в горькие мысли,
где тучи-булыжники давят с могучею силой,
и звёзды, мерцая, осколками стёкол повисли,
но жители ждут, чтоб свобода их жизнь осветила.

И тупо по улицам мелкими ходят кругами,
как сеть молоточков гигантского ткацкого стана.
Глаза их потуплены низко, ведь там, под ногами,
рыдает земля их – увы, не зажившая рана.

ХЕНРИКЪЕ ЛОЗОВЕРТ

(даты жизни неизвестны)

Я НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ

Я не вернусь к тебе, мама,
ты останешься, мама, одна.
Последний мой крик проглотит
Проклятого гетто стена.

И только одна забота
до боли долбит мой висок:
кто принесёт тебе, мама,
завтра хлеба кусок.

БИНЕМ ХЕЛЛЕР

(1908– после 1970)

ВАРШАВА, 1939

Никому не дано расстрелять небеса,
ведь бессмертна небес голубая краса.
Тишина задохнулась в угарной пальбе.
Лето тихо скончалось – подчинилось судьбе.

Кто опутал наш город сетями войны?
Кто нарушил в нём тёплый уют тишины?
Город детства, твой образ мгновенно исчез.
Город юности, кто загубил твою честь?

Хрипнут двери и падают стёкла с окон.
По подъездам разносится кашель и стон.
Крики близких не сможет ничто заглушить,
вырывая из жизни истлевшую нить.

От испуга лицо заслоняет ладонь,
и повсюду бушует и пляшет огонь.
Словно скот, нас погонят с насиженных мест
и растопчут надежду и скомкают месть.

Вечер как телеграммами, брызгами фраз
о трагедии общей напомним не раз.
И поднять друг на друга не можем мы взгляд,
горизонт окунул нас в кровавый закат.

Вечер тянется вечность. Тяжёлая тьма
угрожает свести постоянно с ума.
Солнце словно стыдится явить нам свой лик,
иль его испугал несмолкаемый крик?

ИСРОЭЛЬ ЭМИОТ

(1909–после 1970)

СТАРЫЙ ЛЮБЛИН

(отрывок из поэмы)

Камень обкатан узких улочек этих.
Окна с решётками робко на мир глядят.
Времени бег попросту здесь не заметен.
Хасидов капоты также длиною до пят.

Богатству сюда заглянуть не случилось.
Из щелей нищета безобразно торчит.
Счастье здесь никому не досталось.
Беда, притаившись, пугливо молчит.

Даже голуби здесь воркуют иначе.
Голоса на базаре безобразно визжат.
Песен здесь не поют, их жалобно плачут,
Оттого и желанней они во сто крат.

От улочек этих никак не укрыться.
Из Люблина Старого сбежать навсегда?..
Но что-то толкает вновь возвратиться.
Они не отпускают меня никуда.

ЭЛИАХУ РАЙЗМАН

(1909—после 1970)

МИР

Когда крик народа моего
разорвал на клочья небеса,
и когда, дыхание перекрыв,
задушил песок мою сестру,
и когда ушёл из жизни брат,
захлебнувшись в собственной крови,
ты спокойно доедал свой хлеб,
с наслаждением пил своё вино,
не утратив радости в глазах.

А куда забросил ты, скажи,
на скрижалях заповедей свод,
видя кровь, кипящую в огне?
Сеть убийцы ты благословил,
как и руку чёрную его.
Та рука меня лишила сна,
заслонила дня весёлый свет.

А теперь велением Творца
перед сводом грешных дел твоих
заповедь предстала
«Не убий!»

В ПЛЕНУ МОИХ МЫСЛЕЙ

Я в плену моих мыслей
в этой жизни-реке
ожидал с нетерпением
большого улова.

Только северный ветер
льдом течение сковал,
да и время удачу
подарить не готово.

Вся река омертвела,
беспощаден мороз.
Я лишь тени ловлю
на дороге ледовой.

А проснётся река
и пройдёт ледоход –
в тот же плен моих мыслей
закую себя снова.

ГОСТЬ МОЙ НЕЗВАНЫЙ

Ты вернулся в мой дом
и нашёл в нём приют.
Кто ты, друг или плут,
гость мой незванный?

На столе пустота:
ни еды, ни воды.
Ты – в тисках немоты,
гость мой незванный.

Я оглох в тишине,
ведь молчания крик –

знак страданий твоих –
тяжелее вериг,
гость мой незванный.

Ты исчез без следа,
камнем канул в реку.
Я остался один
на пустом берегу,
гость мой незванный.

ИХИЛ ЛЕРЕР

(1910–1942)

СКРИПАЧ

Возле двери моей непрошено
бедный скрипач заиграл,
и слух мой сразу наполнился
болью и радостью песни;
я слышал то льва рычание,
то жалобный детский плач,
то пенье пастушьей свирели,
то горьких рыданий стон.

Вскипела бессильная ненависть
к скрипачу и чёртовой скрипке,
и в гневе я поднял руку,
попрошайку я встретил криком:
«Разбей проклятую скрипку
иль заиграй по-другому!»
Угроз моих он не услышал,
и снова звучали в песне
детский плач и рычание львиное,
рыдание вместе со смехом.

МОЙ ДРУГ. ПОЧЕМУ...

Мой друг. Почему меняет
твой облик тысячи красок?
Когда просыпается утро,
лицо твоё нежно-розово.
Тёмной ночью наряд твой выткан

из темноты и печали.
В громе грозы ты украшена
лентами огненных молний,
а в тихий вечер одета
в тюль сапфировых лилий.

Мой друг, почему ты меняешь
свой голос тысячекратно:
в щебете птичьим звучит
песнь твою, полная страсти,
в шуме воды твой шаг –
как топот могучего войска,
в стоне просящего нищего
твой голос – мольба бессильная,
в рычании львином твой голос –
беспрекословный приказ.

Мой друг, почему моё сердце
так любит и так ненавидит?
В секунды любви мне хочется
подол твой поцеловать,
в минуты злости готова
душа моя стены крушить,
в час дружбы хвалю я страстно
красоту твоей пыльной жизни,
во время вражды проклиная
я твою золотую судьбу.

Мой друг, почему моё сердце
так любит и так ненавидит?

СКРЫВАЮТ ОНИ СВОИ ЛИЦА...

Скрывают они свои лица,
нужны им лишь маски и маски.
Они одеваются в бархат и шёлк,
смотрят гордо вокруг,

и мне хочется им сказать:
 «Нищету свою спрячьте, братья!»
Они придумывают слова,
 чтоб спрятать в них своё сердце,
и хочется мне спросить:
 «Где язык вашего детства?»
Чуткому уху ночи
 звёзды шепчут сладкие тайны,
и хочу я спросить людей:
 «Вы слышите звёздные тайны?»
Есть острова блаженные,
 корабли их не посещают,
и хочу спросить я людей:
 «Что всё в сравнении с этим?»

СКАЖИ МНЕ ДИТЯ...

Скажи мне, дитя, кто родил тебя,
 чья кровь течёт в твоих жилах?
Мирный голубь качал колыбель твою –
 что же бьётся так твоё сердце?
Львы и волки тебя кормили –
 что же робок ты, как овечка?
Ветры в бурю тебя родили –
 что ж ты так жаждешь покоя?
Создала тебя жажда жизни –
 что ж ты так стремишься к смерти?

Скажи мне, дитя, кто родил тебя,
 кто тебя говорить учил?
Соловей пел тебе свои песни –
 что ж ты плачешь и будишь всех ночью?
Ты воспитан совой и вороном –
 что ж поёшь ты утром, как жаворонок?
Водопад научил тебя грохоту –
 но вечером голос твой нежен.
Пuls жизни дал тебе силу

что ж поёшь ты песни о смерти?

Скажи мне, дитя, кто родил тебя,
Кто дал тебе эту одежду?
Ясный месяц стирал рубашонку –
почему же красна, как вино, она?
Медведи и лисы дарили шкуры –
но одежда из шерсти овечьей.
Тучи серым окрасили платье,
отчего ты в лиловом и розовом?
Роза жизни цветенье своё дала –
но оделся ты всё же в белое.

ХИНДЕ НЕЙМАН

(1910–1942)

КРЫША

Крылатая крыша
встряхнулась от сна –
это солнечный гильден
к карнизу приник.

А крыша в мечтах
куда-то летит.
Трубку она раскурила
и мыслит:
– Крыша я или птица?
– Право, загадка.

Солнечный гильден
стал золотым цветком.
Он цветёт, разрастаясь
в большой букет.
Вот уж стены горят
и пылает весь дом.

А крыша, как прежде,
курит трубку
и размышляет:
– Крыша я или птица?
Охочусь ведь
за ночными звёздами.

В ПУТИ

Стекает дождь с моих волос
и щёки влажны.
Вот на болото я, как гость,
пришла однажды.

На ветке птица задрожит,
спеша к отлёту.
Меня пинком кто наградит,
закрыв ворота.

Уж хризантемы отцвели
и листья жёлты.
Но статуи ещё в пыли –
зной, как тяжёл ты

Влетает свет в мои глаза –
окно напротив –
мне о печали рассказав,
на грустной ноте.

ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА

Крошечный, белый, как снег,
вроде звёздочек ночью.
Сладок, как сахар во рту,
сахарина листочек.

Как диадема, красив,
вкусен, словно конфета,
весь наш порционный хлеб,
выданный нам здесь, в гетто.

Игрушки лежат под столом:
кукла из грязных тряпок,

плоский бумажный щенок,
медвежонок без лапы.

Как звоном колоколов,
молотом на граните –
крик мамы – горестный стон:
«Опять есть хотите?»

ЛЕЙЗЕР ВОЛЬФ

(1910–1943)

Я – ДЕРЕВО

Я – сломанное дерево. Весной
меня унёс
стремительный поток
и выбросил
на берег отдалённый,
где ты живёшь,
где солнечно и тихо.

Ты лунной ночью
подойдёшь к реке
и сядешь на меня,
чтоб помечтать
о будущем,
о счастье, о любви.
Но лето кончится,
я высохну, и ты
меня прикажешь
распилить на части.

И зимним вечером,
когда трещит мороз,
сгорю дотла
я в маленькой печурке;
и в мягком кресле
ты задремлешь сладко,
согретая моей любви огнём.

МОЛИТВА

Только я глаза открою –
сразу на губах моих ты,
сердце имя дорогое
выбивает в рёбер шахте.

Только я окно открою –
вижу солнце в небе знойном.
«Не нарушь, молю я солнце,
сладкий сон её спокойный»

Никогда росы прохлада
не промочит ножек милых,
пусть взойдут цветы повсюду,
где нога её ступила.

Пусть тебя минует горе,
обойдёт беда любая,
пусть тебя прощают люди
так, как я тебя прощаю.

КАК ВЕЧЕРОМ ЗВУКИ СКРИПКИ

Моя любовь улетела,
как шарик воздушный в небо;
как дым, мои дни уходят,
не знаю, я был или не был.

Остались часы пустые,
как выползок от гадюки.
Слова мои льются печально,
как вечером скрипки звуки.

Когда-то меня посещала
ирония вечерами,

подобно острящей вечно
старой английской даме.

Когда-то меня посещала
безжалостная сатира,
чтоб едко и зло посмеяться
в моей весёлой квартире.

Теперь мои дни и ночи
полны бесплодных усилий.
Я проклят моими врагами,
а друзья меня позабыли.

Как пламя во влажной яме,
я гасну в бессильной муке;
слова мои льются печально,
как вечером скрипки звуки.

ПО СЛЕДАМ ЛЕЙЗЕРА ВОЛЬФА

1.
Я пошёл по следам глубоким
молодого Лейзера Вольфа,
молчаливого Лейзера Вольфа,
чьи мысли так необычны,

но его нигде не нашёл я,
ни в горах,
ни в долинах,
ни в небе,
и ни в аду.

Где же он, молодой старик,
оскорблённый создатель новых творений?
Куда он исчез, любимый,
с тяжёлой мечтой о лёгкой душе?

И кем же был вообще он? –
Дрожащей звездой меж камнями?
Белым облаком, пойманным в клетку?
Кто мог его проглотить? –
Незыблемая, как скала, любовь?
Слава, что венцы с голов срывает?
А, может, скромность непорочного цветка?

Он разве вообще существовал?
Ворвался он в существование наше?
А может быть, и не было его.
Лишь светлая мечта во мраке заблуждений,
дыханье нежной призрачной легенды
о ласковой змее, целующей детей.

Как оказалось, не было его,
свои следы он попросту подделал,
как старый волк, что ищет смерть свою
в лесах засохших
на горах презренья.

2.
Я пустился по плоским следам
ничтожества, Лейзера Вольфа,
одного в двадцатом столетии,

но его нигде не нашёл я,
ни в дураках,
ни в умных,
ни в низких
и ни в высоких.

Где же он, молодой отросток,
жалкий дурень хелемского счастья?
Где же пропал он, любимый,
горб железный, из дерева рёбра?

И кем же был вообще он?
Белой кошкой, в мешок посаженной?
Может, луковицей на месяце?

И кто мог его проглотить?
Осёл, гордый, как камень в дерьме?
Орёл, клюющий добычу,
иль лягушка, что квакает песню?

Он разве вообще существовал,
тот юноша, тот человек, как все?
Иль он не жил на свете никогда –
голосистый петух у слепой монашки,
грешный стон от божьей зевоты
о детях святого народа?

Как оказалось, не было его,
и нет его, и никогда не будет,
его следы подделал старый чёрт,
который вечно ищет заблужденья
в болотах ядовитой нищеты.

МОШЕ КНАФАЙС

(1910–после 1970)

РАДОСТЬ ПЕСНИ МОЕЙ

Радость песни моей, прелесть дня голубого
сам отдал я в залог за простой бутерброд.
Если песню мою, встретив где-нибудь снова,
не признаю своей – посмеётся народ.

Тот, кто чёрные тучи над нами развеет,
сможет выкупить мой необычный залог.
Я все звёзды с небес соберу и скорее
на базар отнесу драгоценный мешок.

ИГРАЙ, ОРКЕСТР

Играй, оркестр, истово играй
о наших муках, крови и слезах.
О, боль моя! Ты льёшься через край,
твой голос слышат птицы в небесах.

Как дали мы годам своим истлеть
и где они, прошедшие так быстро?
Играй, оркестр! За нами ходит смерть.
Ушедших не вернуть – увёл их путь тернистый.

Не зеленеет дуб, корней своих лишённый.
Моих корней лишил меня палач.
Кровавы зори в небесах бездонных.
Под ними собираю горький плач.

Играй, оркестр, об ужасах и крови,
чтоб люди наши это услышали.
Тебе бы, Польша, я поверил снова,
но как избавиться от скорби и печали.

ЗДЕСЬ ТИШИНА

В тишине этой
нет покоя —
это молот
грохочет в висках,
это ржавый венец уздою
зажимает
тебя в тисках.

Люди, люди...
В плену у пропорций
только цифры и сдавленный крик,
и количество выданных порций,
исчезающих вмиг.
Взять — забыть.
Как шаги на снегу — только след...
В тишине
раздаются команды:
раз:
свободен,
два:
к стене.

ЭРНА РОЗЕНШТЕЙН

(даты жизни неизвестны)

Я – ЭТО КАЖДЫЙ

Тысячекратно повторился крик
тех, кто во рвах свою сыскали долю,
к земле озябшей грудью кто приник,
покорно повинуюсь вражьей воле.

Крик тех, кто перешёл за грань времён
и за предел всемирного пространства,
ушёл туда и теми был сражён,
кто в ненависти ищет постоянство.

А та, укус нанеся змея,
никак в клубок свернуться вновь не может.
И до сих пор свой страшный яд храня,
горда, что злоба праведное гложет.

Шаги... Шаги идущих в никуда
звучат во мне неизгладимым эхом.
И в кровь мою проникли без труда
с безжалостным, жестоким, подлым веком.

РЕЙЗЛ ЦИХЛИНСКИ

(1910–после 1970)

Я ЛЮБЛЮ ГОРЫ

Я люблю ГОРЫ –
они старше меня,
В них ночные просторы.
В них ночные просторы.

Я люблю РУЧЕЙ –
он быстрее меня,
независим, ничей.
Независим, ничей.

Я люблю ДЕРЕВЬЯ –
они больше меня,
в них листьев кочевья.
В них листьев кочевья.

Я люблю КАМНИ –
они спокойней меня,
в них молчанье веками.
В них молчанье веками.

Я люблю ОБЛАКА –
они крепче меня,
в них грусть и тоска.
В них грусть и тоска.

Я люблю ПЕСОК –
он светлее меня,
в нём света исток.
В нём света исток.

И БОГ ОТВЕРНУЛ ЛИЦО

Все пути направлены к смерти.
Все пути.
Все ветры сквозят изменой.
Все ветры.
Злые псы на порогах брешут.
Псы злые.
Все воды над нами смеются.
Все воды.
От ужасов ночи жиреют.
Все ночи.
Всё небо над нами пустынно.
Всё небо.
И Бог от нас отвернул лицо.

ТУТ ЖИЛИ НЕМЦЫ

Тут жили когда-то немцы.
Именно в этой квартире...
 Как прежде, земля кружится
 над глинистой жёлтой ямой.
Тут часто тянули немцы
вино из серебряных стопок...
 В полях побелели кости
 с глубокими дырами глаз.
А часы торопили время.
Которое долго тянулось...
 Моя прекрасная мама
 в газе нашла свою смерть.
В окно залетает ветер,
играя гардиной из шёлка...
 Когда-то здесь, в польском гетто,
 кровь из развалин текла.
Деревья в зелёных аллеях
шуршат, как шаги людские...
 Тропы бегут, как полосы,

нарезанные из спин.
Дожди проливаются также,
но память точит кукушкой...
Здесь милых еврейских деток
собаками рвали на части.
Так почему же, ветер,
врагов ты не плавил в сере
и дождь из камней не обрушил
на головы их пустые?
Но ветер плясал спокойно,
но ветер шептал о чём-то,
когда в уютной квартире
эти чудовища жили...

ПЕСНИ О МОЁМ ДОМЕ

*Памяти ЗОЗО – мученикам моего родного
города Габина, погибшим в газовых камерах
Хелмно в апреле 1942 г.*

1.
Я снова хочу
тут пройти по траве
и плакать на этой земле –
оплакивать небо
и ветер,
который мне дует в лицо.
Вновь хочу я измерить несчастье
на этом клочке земли,
где стоял когда-то мой дом.
Но сорвана дверь
и мама
никогда уже в дом не войдёт,
вся в снегу, с синим кувшином
молока в заскорузлых руках,
с синим светом

в добрых глазах.
Окна выбиты,
яркое солнце
никогда уже больше не будет
гулять от стены к стене
и заглядывать по углам,
волшебнo рисуя мне
на скамейке зелёную кошку.
Лишь ивы одни остались
на берегу пруда.
Мои слёзы падают в воду
и только на миг один
нарушают её покой.

2.

Падают, падают жёлтые листья,
блуждают истории, ищут забвенья,
рассказы о людях, выгнанных в поле,
в поле под дождь весенний.

Четыре дня без воды и хлеба
три тыщи евреев томились здесь.
Дети плакали звёздам неба:
им очень хотелось есть.

От детского плача не стали темнее
в округе леса густые,
стоят они, зелены, как и прежде,
молчаливые и большие.

Не вспыхнуло синее небо,
висят облака-серёжки.
На лугу пасутся коровы
и пекут пастухи картошку.

СКРИПКА

Ночь. По теням деревьев шагаю.
Сердце птицей бьётся шальнойю.
Ветер жёлтые лампы качает,
звёзды светятся над головою.
Из кровавого ада пожаров
до далёкой земли желанной,
уходя от беды и кошмаров,
пароходы идут сквозь туманы.
И недолго уже до рассвета,
гаснут в небе усталые зори.
Но чем ближе к нам берег Завета,
тем сильнее волнуется море.
Близкий берег растаял нежданно –
душу тронули боль и досада:
всё привиделось – Фата Моргана.
Сердце полнится горечью ада.
Всё исчезло: долины и горы,
только скрипка Давида осталась,
та, которая в давнюю пору
злого духом царя ублажала.
Как вода солона! В море зыбко.
Где земля, о которой мечтали?
Много лет горько плакала скрипка –
нынче меч нас манит своей сталью.

МОИ ЕВРЕЙСКИЕ ГЛАЗА

Я открыла окно
перед солнцем весенним,
перед небом и тучами, –
их отраженье
отпечатком в моих поселилось глазах.

Я украсила дом свой
цветочным вазоном

и ждала, наклонившись
над бледным бутоном,
чтобы он, распустившись, цветок показал.

Хоронить его рано,
он только лишь сонный,
он ещё оживёт
и пахнёт благовонно.
Но могилу ему начала я копать.

А земля ещё твёрдая,
мёрзлая к ночи,
хоть и скоро весна,
да и сердце не хочет
к этой смерти цветка
так легко привыкать.

Я впитала глазами
еврейскими краски,
что в основе цветка
то сверкнут, то погаснут...
И глаза мои тоже не хотят умирать.

ТАНЯ

И провалившись в воздушные грёзы,
звёзды погасли на небе ночном.
Под серебристо-ковровым морозом
Таня навеки укутана сном.

День разгулялся на ветре суровом.
Ночь конопляной тесьмой обвила.
Снегом пронзила, как жалом калёным,
заревом солнечным щёки сожгла.

Здесь навсегда ночевать партизанке –
девочке с гордым разлётом бровей,

с длинной косой, грациозной осанкой –
больше в дорогу не двинуться ей.

Хочется ей разомкнуть свои губы –
рваную, горько-кровавую твердь,
чтоб протаранило веско и грубо
слово, разящее жёстче, чем смерть.

Где партизаны? Все в снежном буране.
Смерть притаилась за каждой спиной.
Дальше, в бессмертье, мёртвую Таню
зимние вихри несут за собой.

Видно, патруль заблудился в дороге.
Ночь непроглядна: вернуться ль назад?
Чудится, Таня вскочила на ноги –
смело вперёд устремлён её взгляд.

Хоть и измучено тело девичье,
мягко над миром орлицей парит.
Ужас войны – не трагедия личная –
Таня на ней – справедливый арбитр.

Ветер притихший лицо её гладит.
Снег растворился в солёной слезе.
Даже звезда уловила во взгляде
все её страсти, сомнения все.

Молча идут сквозь суровую зиму
там партизаны, – неровен их шаг.
Таня им светит лучом негасимым,
кровь её, словно победный их стяг.

ХАДАША РУБИН

(1910– после 1970)

МОЁ ЕВРЕЙСКОЕ ДИТЯ

Весь яркий свет
и радость всю
от ветра дуновенья
по шёлковой траве,
от солнечных лучей,
все нежность чистую,
без пятен и греха,
тебе отдам,
моё еврейское дитя.

Ещё глаза твои подёрнуты туманом.
Зажгутся скоро искоркой задора
и радость возбудят.
Ведь материнский крик к тебе донёсся
и отозвался он в сознании твоём.

Пусты ладони
и не мил мне белый свет.
Отдай мне жалобы свои,
свои страдания. Дитя моё,
еврейское дитя.

ЛЮБОВЬ

Вновь нарциссы источают свет,
будто не закончилась весна,
будто свежесорванный букет
прежние вернул мне времена.

Сохнет ветвь и падает одна,
а другая – ярче зеленеет.
Кто твердит, что будто бы она
ветви той, засохнувшей, слабее?

А цветы в морщинистой руке –
знак прошедших памятных годов –
я храню в веселье и тоске,
потому что в них – моя любовь.

МОШЕ ВАЛЬДМАН

(1911–после 1970)

ГДЕ УМЕРЕТЬ МНЕ

Святые всех времён! Скажите,
где умереть,
чтоб над останками моими
никто бы не глумился,
надгробный камень мой
не похищал никто?

Подкарауливают всюду
меня глумленья:
секира дикаря над головой,
жар пушек,
многое другое.
О, как мне умереть?
Как умереть,
чтоб прах свободным стал
от вечных мук
и надругательств,
и был рассеян над землёй
презреннейшего мира?

Святые всех времён!
Где умереть мне?

НЕТ

Нет!
Наш крик гремит,
как взорванная бомба,
раскалывая воздух,
колеблет небеса.
И даже те, кто в склепе
покоятся глубоко,
взорвались тёмною толпой.
Вы слышите: гремит!
И если не хватает слов,
как -золота скупому богачу,
тот руки вверх возвёл
и крикнул: Нет! –
как взорванная бомба.

МОШЕ ШУЛЬШТЕЙН

(1911 – после 1970)

ЗА МОИМ ОКНОМ

Повисли тучи за моим окном –
о, эти тучи треблинского дыма:
и днём и ночью, будто страшным сном,
они преследуют меня неумолимо.

Они стоят на страже у ворот,
а не плывут, гонимые ветрами.
Им не пролиться от своих щедрот
обильными осенними дождями.

Я не могу избавиться никак
от черноты, что за окном разлита:
Она покрыла брюки и пиджак,
и хлеб мой чёрствый горечью пропитан.

Как неотступен образ облаков!
На песнь мою их тень всегда ложится.
Подушки чёрной тлеющий покров,
и страшен сон, который вечно снится.

Не озаряет их вечерний свет,
не красит даже солнце тёплым утром.
Они шлют первый горестный привет,
когда встаю с постели неудобной.

Они следят за мной. Как тяжкий груз,
моя рубашка прилипает к телу,

вода теряет свой привычный вкус,
и всё вокруг от пепла потемнело.

Они к окну глазами приросли,
так и стоят – застыли неподвижно,
и чей-то взгляд печальный донесли...
О, мама, я твои глаза в них вижу.

ПЕСАХ БИНЕЦКИ

(1912–1965)

ВОЗМОЖНО...

Возможно, ты зов тот услышал
и в слабые руки свои
взял нож или даже винтовку
и стал начеку у стены.

Ты вместе с другими готов был
к последнему в жизни прыжку,
в груди затаив сожаленье –
так рано навеки уйти.

Возможно, на том самом месте,
в последнем жестоком бою,
в лучах восходящего солнца
пришла к тебе вечная ночь.

Возможно, придёт это время –
настанет возмездия час
и ярко пылающей розой
взойдёт твоя кровь у стены...

МОШЕ ШКЛЯР

(1920–после 1975)

ЭТОТ АД

Этот ад не забыт.
Это помнит природа.
Каждый камень кричит
нам о муках народа.
А людские слова
тихо канули в Лету.
Появившись едва,
похоронены в гетто.

Не забуду я газ
в те, прошедшие годы.
Вспоминаю сейчас
крик и ужас народа.
Похороненных где-то
матерей и отцов,
малышей и юнцов –
уничтоженных в гетто.

Но кричит всё вокруг.
Страшен горестный звук!
Крик смертельный – не мой.
Я молчу: я – немой...
Криков, полных тоски,
не могу больше слушать.
Рвут они на куски
моё сердце и душу.

КОМУ МОЛИТЬСЯ?

Кому молиться,
Богу?
Но нет такого Бога...
Стыжусь и плачу много –
я, узник из острога.

Хоть нет такого Бога –
в моих глазах тревога
от ветра – слёз немного.
Где мне найти дорогу?

Скажите,
куда теперь идти –
по ложному пути?
И в камень сердце,
смотри, не преврати!..

ЕВРЕЙСКИЕ СЛОВА

Они в одних печах горели
с родными нашими в огне...
Они скорбят со мной доселе,
они мне дороги вдвойне.

Я с ними все пути земные
пройду с течением годов.
Слова еврейские простые
я в песню превратить готов.

МОЁ СЛОВО

Как могу я раскрыть свою тайну –
рассказать, что таится во мне,
если слово моё – это камень,
что лежит на морской глубине

в ожидании грядущего часа,
неподвижно, в объятиях сна,
если волны нелёгких раздумий
не вернут это слово со дна.

А затем – и шлифовка до блеска,
сняв остатки налипшей руды.
Это слово, как скрытая рана,
задышалось в тисках немоты.

КАЖДЫЙ КАМЕНЬ

Каждый камень
на утренней заре
отныне и навсегда
говорит
о всех страданиях
моего народа
невыразимыми
словами,
которые на людских
губах
парили в воздухе
и жили,
и разрушались
в гетто.

Каждый переулок,
которым я иду,
кричит

о горе
моего народа,
это его боль,
не выплаканная
до конца,
это страшный крик
матерей и отцов,
детей в колыбели,
которые с того часа
лежат в земле гетто.

Всё говорит,
всё кричит –
только я нем,
я молчу,
прикусив губы,
молчу,
и от крика
разрывается сердце.

ЯКОВ ЗОНШАЙН

(1914–1962)

КОГДА?

*Кто напишет большую книгу
о борьбе и гибели польских евреев?*

И появится Человек,
и на белом пергаменте
буквами прописными,
напишет слова, как приговор,
ни чья-то рука, ни даже топор
не расправятся с ними.

И появится Человек,
ничем не примечательный,
с кровью в глазницах век,
с кулаками, как молоты.
Он в веках прославится.
Он появится. Непременно...

Но когда он появится?

СКВОЗЬ ЖИЗНЬ

Как крестьянин идёт через пашню,
боль, согнувшись, неся нараспашку,
я по жизни тупо бреду.

Сыт по горло весенним ветром,
со штормами сдружился летом.

Что сказать про зиму суровую?
Осень прочит дорогу новую
мне на радость или беду.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

За твоим окном
всхлипывает ветер
и стучится в дверь,
только ты поверь,
что не тот придёт
в этот зимний вечер.
А придёт другой –
молчалив и скучен.
Мёртвые уста,
видно, неспроста,
взгляд погас, прости,
но не станет лучше.
Подними глаза,
ведь перед тобою
он не виноват –
подоспел закат.
Пусть уж он такой,
от тебя не скрою.

НЕБЕСА МИЛОСЕРДНЫЕ

Имел я отца и брата,
и мать, и красивых сестёр,
и тётю, и даже дядю, –
словом, полный набор.

Молодые не верили в Бога,
злословили против небес.
Старики с надеждою жили –
и ждали от неба чудес.

Ах, мой милосердный Боже!
Ты для всех не жалел могил.
Меня одного за что же
Ты к жизни приговорил?..

ЦВЕТ ТВОИХ ВОЛОС

Цвет твоих искрящихся волос
принял я за аллегория.
Вихри пламени, кристаллы слёз –
только жало крематория.

Отражается в моих глазах
удивительнейшим агатом
твоего лица прощальный знак –
догорающим закатом.

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

Тысячу раз тысячам глаз
никто никогда не отдаст
тот красный цветок,
что спрятан в моей груди.

От позора и от стыда
я сохраню навсегда
мой красный цветок,
что спрятан в моей груди.

Готовлю себя к расплате
за улыбку свою некстати.
Ах! Красный цветок!
Ты спрятан в моей груди.

Меня не опустят ниц
тысячи глаз и лиц,
пока красный цветок
спрятан в моей груди.

АВРОМ ШУЦКЕВЕР

(1913– после 1970)

НАДПИСЬ НА ВАГОННОЙ ДОСКЕ

Кто найдёт однажды жемчуг,
нанизанный на кровавокрасный
шёлковый шнурок, который
у шеи становится всё тоньше,
как жизненный путь,
незаметно исчезающий в тумане.
Кто однажды найдёт этот жемчуг,
пусть знает: жемчужины
холодно освещали сердце
нетерпеливой восемнадцатилетней
парижской танцовщицы Марии.
Теперь везут меня в незнакомую
мне Польшу, и я бросаю
мой жемчуг сквозь решётку.

Если его найдёт юноша,
пусть украсит им свою любимую.
Если его найдёт девушка,
пусть наденет на себя –
он принадлежит ей.
Если его найдёт старик,
пусть помолится за меня.

МОЙ СЫН...

Мой сын Авигдер Шарф из Тель-Авива!
Перед концом пишу я торопливо
на том пергаменте, что я ношу на шее –
послушай, что скажу:
не жалуйся, меня ты не вернёшь,
но землю рой, пока там не найдёшь
остатки черепа, как будто это я.
Возьми их в сад с собой и там, в саду,
зароешь на рассвете в том месте, где
твои танцуют дети.

КРАСНЫЙ КИРПИЧ

Я нашёл этот красный кирпич. А на нём
написал кто-то чем-то горелым:
«С двух сторон уже башня объята огнём,
и от дыма не вижу я цели.
Мне осталось лишь броситься с крыши скорей.
Мой народ, я сгораю в огне –
моё имя запомни: безвестный еврей.
Память ты сохрани обо мне».

АЛЕКО

Сегодня или завтра
придёт желанный мир
под звёздами, с вином
и танцами в трактирах.

Кто вспомнит там меня,
пленённого орла,

последнего цыгана
в этом мире?

Любимой нет в живых,
в плену мой верный конь,
и золотые вор украл подковы.
И ты, мой острый нож,
застрял в груди врага,
не проронив в последний миг ни слова.

ИЗ ПОТЕРЯННОЙ ПОЭМЫ

Мама, я болен!
На душе моей мрачно, тоскливо.
Нет, не то. Всё, мне кажется, хуже:
я лишился рассудка, я проказою болен,
и слова, что из уст твоих льются,
то бальзам, то священное зелье
для моей незалеченной раны.

Но я знаю, я всё-таки знаю,
что ты любишь меня, как и прежде,
я второй у тебя после Бога.
Мой приказ так похож на молитву:
– Удуши! Удуши меня теми руками,
что меня в колыбели качали.

Я тогда сомневаться не буду:
да, любовь твоя смерти сильнее.
Я тогда сомневаться не стану:
да, любовь от страданий спасает.
И вернусь к тебе снова,
будто был я на свете и не был,
как звезды отражение в воде.

ЭПИТАФИЯ

*человека, который дрожащей рукой начертал
эти строки, имя его – Ариэль Бланк, музыкант.*

«Тут закопана скрипка
в футляре –
волшебное звучание.
Моё дитя.
Люди!
Возьмите лопату,
копайте,
найдите и выньте её
осторожно.
Потом покажите
сокровище это
новому Паганини.
Пусть ему достанется
дитя моё – скрипка.
О, волшебная скрипка!»

СКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО

Теперь его песни уже не звучат –
те песни, что душу его согревали.
Немало познал он тяжёлых утрат,
но скрипки ему всё равно не хватало.

Со звуками скрипки душевный огонь
терял свою силу, совсем угасал он.
Не явится чудо, не сбудется сон,
но скрипки ему всё равно не хватало.

У самых ворот, как бутылку вина,
её закопал он, угрюм и печален,
чтоб в руки врагов не попала она,
чтоб с ним его скрипку они не забрали.

Но кто он, однако, без скрипки своей?
Охапка костей без души и без страсти...
А время чредою катящихся дней
приходит – уходит, течёт безучастно.

Здесь слёзы – всего только капля воды,
а слово, как пыль, уносимая ветром.
А над головой свет вечерней звезды
бледнеет пред тем, как исчезнуть из гетто.

Здесь люди, как тени. Унынья печать
стоит неизменно, как смерть в изголовье.
А кровь на камнях и на кирпичах
не знает того, что зовут её кровью.

Он вечером поздним лопату берёт
и тихо крадётся туда, где он прежде
её закопал у закрытых ворот –
к ней вновь прикоснуться жива в нём надежда.

Она для него и надежда и свет,
источник живительный неисчерпаем.
Он, кажется, видит её силуэт
и, силы собрав, он усердно копает.

Он скрипку из ямы дрожа достаёт –
теперь в его чутких руках она снова.
Потом мимо стен торопясь проскользнёт
в свой город еврейский, в тень гетто ночного.

А там, среди серых домов и камней,
на ней заиграл он в душевном порыве.
Он с нею – одно. И в ночной тишине
господствует песня его горделиво.

И рады, как дети, той песни слова,
и дети становятся музыкой сами.
Здесь смерть не дожждётся уже торжества –
молчание встанут сражаться с врагами.

Все вместе выходят они из могил.
Их серые лица росой покрыты.
Он видит того, кого верно любил:
жену и сыночков, невинно убитых.

Здесь каждый, кого за собой он позвал,
исполнился силы, душой возродился.
И слёзы – не слёзы...Никто не видал,
как в каждой слезе целый мир отразился.

Они собрались, молчаливо глядят,
не слышно ни жалоб, ни жалких рыданий.
Их песнь оживила, построила в ряд
для радостей новых и новых страданий.

И кровь на камнях их на штурм поведёт.
А слово – как флаг среди рядов поределых.
Подвалы встают, предъявляя свой счёт.
Тут каждый стал тем, кем он был в самом деле.

**СТИХИ ДЕТЕЙ
ИЗ
ТЕРЕЗИНА**

ПАВЕЛ ФРИДМАН

* * *

Бабочка,
та последняя бабочка, та последняя самая,
полная солнечного золотого цвета,
как жёлтого солнца слеза о белый звякнула камень
и тут же легко взлетела,
словно хотела успеть
расцеловать мой последний свет.

В гетто живу уже седьмую неделю,
подругой мне стала каштана белая ветвь,
друзьями в саду – жёлтые одуванчики.
Но бабочки здесь больше я не встречал,

та была самой последней в гетто,
бабочки здесь не живут.

ФРАНТИШЕК БАСС

САДИК

Вот он, садик аленький.
Пахнут розы робко.
Ходит мальчик маленький
Узенькою тропкой.

И похож мальчоночка
На бутончик ранний.
Лишь бутон раскроется –
Мальчика не станет.

ЗДЕНЕК ГРЮНХУТ

* * *

Здесь их убежище, здесь их жилище.
На чердаке ветер воет и свищет.
На верхотуре живут двадцать детей,
Ходит чердак ходуном от разных затей.
Мало здесь места, но много для них не
нужно –
На столе и диване играют дружно
Марианка, Томи, Анитка, Ивонка.
Здесь Ивонка всё время смеется звонко,
А вот Томи, несчастный, всё время плачет.
Томи Брандейс конвертики собирает,
А Маженка всё время стихи сочиняет.
Ветер врывается к ним на чердак,
Двадцать детей проживают вот так:
На чердаке под самой крышей
Тёмною ночью пугают их мыши.
Серые мыши шуршат и пищат,
Дети от страха все ночи кричат.

ГАНУШ ГАХЕНБУРГ

* * *

Кто я такой?
Какого племени, роду?
К какому я принадлежу народу?
Кто я – блуждающий в мире ребёнок?
Что есть отечество – гетто, застенок
Или прелестный маленький певчий край –
Вольная Чехия, бывший рай?

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ И ОТВЕТЫ

К чему человечеству точность прекрасной науки?
К чему ему женщин красивых губы и руки?
К чему этот мир, если миром бесправье правит?
К чему ему солнце, коль день никак не настанет?
Зачем ему Бог? Чтоб только карать и мучить?
Иль чтоб человечество стало немного лучше?

Может быть, мы и не люди вовсе, а звери,
Рождённые для страдания, чтоб сгнить в пещере?
К чему эта жизнь, где всё живое так жалко?
Зачем превратился мир в огромную свалку?
Верь мне, сынок, всё так обернулось страшно,
Чтоб стал ты мужчиной! Чтоб воевал отважно!

ЗДЕНЕК ОРНЕСТ

КРОХА ТЕПЛА

Как я завидую крохе тепла, друзья!
Когда весь замёрзший смотрю я в сторону окон,
И одеяло сбросив, не чувствую холода я,
Ибо в туманные сны о тепле завернут, как в кокон.
Трудно заставить себя умыться в такой мороз.
И я обрастаю бесстыдно грязью и ленью.
Ах, дорогое тепло, о тебе я мечтаю до слёз –
Вот бы сейчас притулиться к твоим коленям!
Но стоит очнуться полностью мне от снов
И почувствовать страшный голод, как я опять
Отказаться от всех мечтаний готов,
Под одеяло залезть бы – и спать, спать, спать...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАЧ О ПОГИБШИХ – ЗАВЕЩАНИЕ ЖИВЫМ	3
ИЦХОК ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ	
НА ТВОЁМ БАЛКОНЕ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	5
ВСЮ НОЧЬ <i>Перевод А.Ходорковского</i>	5
МОРДЕХАЙ ГЕБИРТИГ	
В ГЕТТО <i>Перевод Д.Яновского</i>	6
ПЕВЕЦ БЕДЫ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	7
НАШЕ МЕСТЕЧКО ГОРИТ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	8
ЗЮСМАН СЕГАЛОВИЧ	
ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	10
ГОРЕТЬ МЫ БУДЕМ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	10
ТАЙНА ИЕРОГЛИФОВ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	11
ДОВИД ЭЙНГОРН	
ЭЛЕГИЯ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	12
МОЙ НАРОД <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	12
ИСЧЕЗЛИ ВСЕ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	13
ШМУЭЛЬ ЯКОВ ИМБЕР	
ПРИХОДИТ СОЛНЦЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	15
ВЫ ЗАБЛУДИЛИСЬ ВДАЛЕКЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	15
ТЕМ, КТО ЯВЯТСЯ... <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	16
Я ВОСПЕВАЛ ТВОИ ГЛАЗА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	16
ЛЕЙБ НАЙДУС	
БЕРЁЗОВЫЕ АЛЛЕИ <i>Перевод Л.Бердичевского</i>	18
СОНЕТ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	19
МИРЬЯМ УЛИНОВЕР	
КОЛЕЧКО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	20
ЗА НОЧЬ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	21
ПЕСНЯ ТРУБОЧИСТА <i>Перевод Л.Бердичевского</i>	21
ВСТРЕЧА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	22
ПИСЬМО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	23
ДОВИД КЕНИГСБЕРГ	
ДВА СОНЕТА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	25

АВРОМ ЗАК	
ТЕПЕРЬ Я ЭТО ЗНАЮ <i>Перевод А.Ходорковского</i>	27
ИСРОЕЛЬ ШТЕРН	
НЕ ЗАВИДУЮ Я НИКОМУ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	28
МЕЛЕХ РАВИЧ	
СОВЕРШЕННАЯ ИСТИНА <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	29
ЗРЕЛИЩЕ МЁРТВЫХ ДЕТЕЙ <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	30
ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЬ ФИЛОСОФИИ <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	30
КАДЬЯ МОЛОДОВСКИ	
ПРИ СОЛНЕЧНОМ ЗАТМЕНИИ <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	32
СТАРАЯ ПЕСНЯ <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	33
И ВСЁ ЖЕ... <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	33
КОГДА НИКТО НЕ ЗОВЁТ МЕНЯ <i>Перевод Г.Ляховицкой</i>	34
ВОЗЬМИ ЭТО С СОБОЙ... <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	35
БЕР ГОРОВИЦ	
В САДУ ЦАРЯ СОЛОМОНА <i>Перевод А. Ходорковского.</i>	36
СЕГОДНЯ НОЧЬЮ <i>Перевод А. Ходорковского.</i>	36
КАК БОЛЬНАЯ ПТИЦА <i>Перевод А. Ходорковского.</i>	37
МОШЕ КУЛЬБАК	
ЛЕТО <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	38
ПЕСНЯ БЕДНЯКА <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	38
ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	39
НА ФАБРИКЕ <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	39
ВОЛЧЬИ ПЕСНИ <i>Перевод Г. Ляховицкой.</i>	40
ИОСИФ КИРМАН	
ГОЛОД (главы из поэмы) <i>Перевод Д. Яновского.</i>	42
РАХЕЛЬ КОРН	
КАКОЕ СЛОВО <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	46
У ВОРОТ ГАЗОВОЙ КАМЕРЫ <i>Перевод А. Ходорковского.</i>	46
МОЁ ТЕЛО <i>Перевод А. Ходорковского.</i>	47
МОЙ БОГ <i>Перевод Д. Яновского.</i>	48
ИЦИК МАНГЕР	
БАЛЛАДА О ВОЙНЕ <i>Перевод Д. Яновского.</i>	49
ПЕСНЯ МОЕЙ НЕНАВИСТИ <i>Перевод Д. Яновского.</i>	50
БЕНИШ ЗИЛЬБЕРШТЕЙН	
БАГРОВО-КРАСНОЕ СОЛНЦЕ <i>Перевод Д. Яновского.</i>	52
ТЬМА <i>Перевод Д. Яновского.</i>	52
МАРК ЛЕЙБОВИЧ	
В ГЕТТО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	55
ХОЛОДНАЯ ВЕЧНОСТЬ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	56

СИМХЕ ШАЕВИЧ	
ВЕСНА 1942 <i>Перевод Д.Яновского.</i>	57
КАЛМАН ЛИС	
РУЧОНКИ <i>Перевод М. Шейнбаума.</i>	62
ИОСИФ БАУ	
ГОЛОД <i>Перевод Л.Бердичевского</i>	63
ПАВЕЛ ЦИБУЛЬСКИ	
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	65
В МАЙДАНЕКЕ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	65
СЛОВА <i>Перевод Д.Яновского.</i>	66
1939 ГОД <i>Перевод Д.Яновского.</i>	66
ШТРИХ К ПОРТРЕТУ... <i>Перевод Д.Яновского.</i>	67
ШЕВА ГЛАС-РОЗЕНБЛЮМ	
Я НЕ ВИНОВЕН... <i>Перевод Л.Бердичевского</i>	68
ИОСИФ РУБИНШТЕЙН	
ЗНАЕТ СЛЕПАЯ СТЕНА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	69
КАМИН <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	69
ОКНО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	70
ХАНА ХЕЙТОВ	
ОСТАВЛЕННОЕ ДИТЯ <i>Перевод Г.Ляховицкой.</i>	71
МОШЕ ШИМЕЛЬ	
ВСЁ ХОРОШО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	73
НА ДЕРЕВЯННОЙ СКАМЬЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	74
СНЕГ МОЕЙ МАМЫ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	74
ОБРАЩЕНИЕ К МАЛЬЧИКУ... <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	75
ИМЕНА АВТОРОВ НЕИЗВЕСТНЫ	
НАШ БЕЛЦ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	77
МОЙ БРАТ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	78
МЕИР ГАЛЬПЕРИН	
КАК ЗНАТЬ?... <i>Перевод Л.Каца.</i>	79
ВСЁ БЫЛО... <i>Перевод Л.Каца.</i>	80
НЕСЛЫШНОЙ ПОСТУПЬЮ <i>Перевод Л.Каца.</i>	80
МИША (МОШЕ) ТРОЯНОВ	
АКТУАЛИЯ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	81
ГОЛУБОЕ НЕБО <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	81
НОХЕМ БОМЗЕ	
ПОДВАЛ МОЕГО ДЯДИ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	83

НИКТО НЕ ЗНАЛ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	84
ВСЕ КРЫШИ ГОРЯТ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	84
ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	85
ЯНКА (ЯНИНА) ХЕШЕЛЕС	
БЕЛЖЕЦ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	86
ИЕШИЯХУ ШПИГЕЛЬ	
СВЯТАЯ ТЕНЬ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	87
МОЕЙ МАМЕ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	87
ФИОЛЕТОВЫЙ ИЮЛЬ 1942 <i>Перевод Д.Яновского</i>	89
РОМАН БРАНДШТТЕР	
ИОСИФ РАКОВЕР... <i>Перевод М.Шейнбаума</i>	91
ЭЛЬХАНАН ВОГЛЕР	
НА ЧУЖБИНЕ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	93
ДОВИД СФАРД	
ЕСЛИ Я ЗЕМЛЮ ОСТАВЛЮ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	94
СЛОВО <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	95
ХАИМ СЕМЯТИЦКИЙ	
МОЕЙ МАТЕРИ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	96
ВЕЧЕР НА ПРУДУ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	97
В КРОНАХ ДЕРЕВЬЕВ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	97
ВАРШАВА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	98
ХЕНРИКЪЕ ЛОЗОВЕРТ	
Я НИКОГДА НЕ ВЕРНУСЬ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	99
БИНЕМ ХЕЛЛЕР	
ВАРШАВА, 1939 <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	100
ИСРОЭЛЬ ЭМИОТ	
СТАРЫЙ ЛЮБЛИН <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	101
ЭЛИАХУ РАЙЗМАН	
МИР <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	102
В ПЛЕНУ МОИХ МЫСЛЕЙ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	103
ГОСТЬ МОЙ НЕЗВАНЫЙ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	103
ИХИЛ ЛЕРЕР	
СКРИПАЧ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	105
МОЙ ДРУГ. ПОЧЕМУ... <i>Перевод Д.Яновского.</i>	105
СКРЫВАЮТ ОНИ СВОИ ЛИЦА... <i>Перевод Д.Яновского.</i>	106
СКАЖИ МНЕ ДИТЯ... <i>Перевод Д.Яновского.</i>	107
ХИНДЕ НЕЙМАН	
КРЫША <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	109

В ПУТИ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	110
ИЗ МОЕГО ДЕТСТВА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	110
ЛЕЙЗЕР ВОЛЬФ	
Я – ДЕРЕВО <i>Перевод Д.Яновского.</i>	112
МОЛИТВА <i>Перевод Д.Яновского.</i>	113
КАК ВЕЧЕРОМ ЗВУКИ СКРИПКИ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	113
ПО СЛЕДАМ ЛЕЙЗЕРА ВОЛЬФА <i>Перевод Д.Яновского.</i>	114
МОШЕ КНАФАЙС	
РАДОСТЬ ПЕСНИ МОЕЙ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	117
ИГРАЙ, ОРКЕСТР <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	117
ЗДЕСЬ ТИШИНА <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	118
ЭРНА РОЗЕНШТЕЙН	
Я – ЭТО КАЖДЫЙ <i>Перевод М.Шейнбаума.</i>	119
РЕЙЗЛ ЦИХЛИНСКИ	
Я ЛЮБЛЮ ГОРЫ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	120
И БОГ ОТВЕРНУЛ ЛИЦО <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	121
ТУТ ЖИЛИ НЕМЦЫ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	121
ПЕСНИ О МОЁМ ДОМЕ <i>Перевод Д.Яновского.</i>	122
СКРИПКА <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	124
МОИ ЕВРЕЙСКИЕ ГЛАЗА <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	124
ТАНЯ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	125
ХАДАША РУБИН	
МОЁ ЕВРЕЙСКОЕ ДИТЯ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	127
ЛЮБОВЬ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	128
МОШЕ ВАЛЬДМАН	
ГДЕ УМЕРЕТЬ МНЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	129
НЕТ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	130
МОШЕ ШУЛЬШТЕЙН	
ЗА МОИМ ОКНОМ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	131
ПЕСАХ БИНЕЦКИ	
ВОЗМОЖНО... <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	133
МОШЕ ШКЛЯР	
ЭТОТ АД <i>Перевод Л.Каца.</i>	134
КОМУ МОЛИТЬСЯ? <i>Перевод Л.Каца.</i>	135
ЕВРЕЙСКИЕ СЛОВА <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	135
МОЁ СЛОВО <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	136
КАЖДЫЙ КАМЕНЬ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	136
ЯКОВ ЗОНШАЙН	
КОГДА? <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	138
СКВОЗЬ ЖИЗНЬ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	138

ВОЗВРАЩЕНИЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	139
НЕБЕСА МИЛОСЕРДНЫЕ <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	139
ЦВЕТ ТВОИХ ВОЛОС <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	140
КРАСНЫЙ ЦВЕТОК <i>Перевод Л.Бердичевского.</i>	140

АВРОМ ШУЦКЕВЕР

НАДПИСЬ... <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	142
МОЙ СЫН... <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	143
КРАСНЫЙ КИРПИЧ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	143
АЛЕКО <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	143
ИЗ ПОТЕРЯННОЙ ПОЭМЫ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	144
ЭПИТАФИЯ <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	145
СКРИПАЧ ИЗ ГЕТТО <i>Перевод А.Ходорковского.</i>	145

СТИХИ ДЕТЕЙ ИЗ ТЕРЕЗИНА

Переводы Инны Лиснянской

ПАВЕЛ ФРИДМАН

БАБОЧКА...	149
------------	-----

ФРАНТИШЕК БАСС

САДИК	150
-------	-----

ЗДЕНЕК ГРЮНХУТ

ЗДЕСЬ ИХ УБЕЖИЩЕ...	151
---------------------	-----

ГАНУШ ГАХЕНБУРГ

КТО Я ТАКОЙ?..	152
----------------	-----

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ И ОТВЕТЫ	152
-------------------------------	-----

ЗДЕНЕК ОРНЕСТ

КРОХА ТЕПЛА	153
-------------	-----

